

Генеральная Ассамблея

Distr.
GENERAL

A/CN.4/472
16 February 1996
RUSSIAN
ORIGINAL: ENGLISH

КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
Сорок восьмая сессия
6 мая — 26 июля 1996 года

ДОКЛАД КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА О РАБОТЕ ЕЕ СОРОК СЕДЬМОЙ СЕССИИ (1995 ГОД)

Тематическое резюме обсуждений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее
пятидесятой сессии, подготовленное Секретариатом

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
ВВЕДЕНИЕ	1—4	4
ТЕМАТИЧЕСКОЕ РЕЗЮМЕ	5—168	4
А. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества	5—168	4
1. Общие замечания	5—16	4
а) Предыстория текущей работы Комиссии над проектом кодекса	5—7	4
б) Темпы работы Комиссии и ориентация ее будущих усилий	8—16	6
2. Сфера <u>ratione materiae</u> будущего кодекса	17—41	8

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
a) Общие замечания	17—26	8
b) Ограничительный подход, рекомендованный Специальным докладчиком	27—41	11
3. Взаимосвязь между проектом кодекса и предлагаемым международным уголовным судом	42—47	15
4. Замечания по конкретным статьям	48—168	18
a) Часть I	48—80	18
Статья 1. Определение	48—51	18
Статья 2. Квалификация	52—54	19
Статья 3. Ответственность и наказание	55—63	20
Статья 4. Мотивы	64	22
Статья 5. Ответственность государств	65—68	22
Статья 6. Обязательство передавать суду или выдавать другому государству	69—72	24
Статья 7. Неприменимость срока давности	73	24
Статья 8. Судебные гарантии	74	25
Статья 9. <u>Non bis in idem</u>	75	25
Статья 10. Отсутствие обратной силы	76	25
Статья 11. Приказ правительства или начальника	77	25
Статья 12. Ответственность начальника	78	25
Статья 13. Официальный статус и ответственность	79	25
Статья 14. Оправдания и смягчающие вину обстоятельства	80	25
b) Часть II	81—168	25
Статья 15. Агрессия	84—108	26
Статья 16. Угроза агрессией	109—110	33
Статья 17. Вмешательство	111—113	33
Статья 18. Колониальное господство и другие формы иностранный господства	114—115	34
Статья 19. Геноцид	116—121	35
Статья 20. Апартеид	122—124	36

/...

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

		<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
Статья 21.	Систематические и массовые нарушения прав человека	125—138	38
Статья 22.	Исключительно серьезные военные преступления	139—151	43
Статья 23.	Вербовка, использование, финансирование и обучение наемников	152—153	46
Статья 24.	Международный терроризм	154—159	47
Статья 25.	Незаконный оборот наркотических средств .	160—163	49
Статья 26.	Преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде	164—168	51
B.	Правопреемство государств и его последствия для гражданства физических и юридических лиц	(см. A/CN.472/Add.1)	
C.	Ответственность государств	(см. A/CN.472/Add.1)	
D.	Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом	(см. A/CN.472/Add.1)	
E.	Право и практика, касающиеся оговорок к договорам	(см. A/CN.472/Add.1)	
F.	Другие решения и выводы Комиссии	(см. A/CN.472/Add.1)	

ВВЕДЕНИЕ

1. На своей пятидесятой сессии Генеральная Ассамблея по рекомендации Генерального комитета на своем 3-м пленарном заседании 22 сентября 1995 года постановила включить в повестку дня сессии пункт, озаглавленный "Доклад Комиссии международного права о работе ее сорок седьмой сессии"^{1/}, и передать его на рассмотрение Шестому комитету.
2. Шестой комитет рассматривал данный пункт на своих 12—25-м и 44-м заседаниях, состоявшихся 12—30 октября и 22 ноября 1995 года^{2/}. На 12-м заседании 12 октября Председатель Комиссии на ее сорок седьмой сессии г-н П.С. Рао представил доклад Комиссии. На своем 44-м заседании 22 ноября Шестой комитет принял проект резолюции A/C.6/50/L.7, озаглавленный "Доклад Комиссии международного права о работе ее сорок седьмой сессии". Проект резолюции был принят Генеральной Ассамблеей на ее 87-м заседании 11 декабря 1995 года в качестве резолюции 50/45.
3. В пункте 14 резолюции 50/45 Генеральная Ассамблея просила Генерального секретаря подготовить и распространить тематическое резюме обсуждений доклада Комиссии на пятидесятой сессии Генеральной Ассамблеи. В соответствии с этой просьбой Секретариат подготовил настоящий документ, в котором содержится тематическое резюме обсуждений.
4. Документ состоит из шести разделов (A—F), соответствующих главам II—VII доклада Комиссии.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ РЕЗЮМЕ

A. ПРОЕКТ КОДЕКСА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1. Общие замечания

a) Предыстория текущей работы Комиссии над проектом кодекса

5. Упоминалось, что совершенные в ходе второй мировой войны злодеяния послужили причиной того, что Ассамблея в 1947 году обратилась к Комиссии с просьбой рассмотреть вопрос о разработке проекта кодекса по этой теме и что работа над этим проектом, как и соответствующие усилия по созданию международной уголовной юрисдикции и определению агрессии, имели долгую и сложную историю в системе Организации Объединенных Наций. Отмечалось также, что сейчас, через 48 лет после принятия резолюции 177 (II) Генеральной

^{1/} Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятидесятая сессия, Дополнение № 10 (A/50/10).

^{2/} Там же, Шестой комитет, 12—25-е и 44-е заседания.

Ассамблеи от 21 ноября 1947 года, в которой Ассамблея предложила Комиссии международного права подготовить проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, нельзя отрицать, что международное правовое сообщество предприняло усилия, с тем чтобы оправдать надежды Ассамблеи; вместе с тем нельзя отрицать и того, что до сих пор эти усилия были напрасными. Медленный прогресс в разработке проекта кодекса объяснялся тем, что связанные с ним вопросы относились к такой сфере международного права, которая в течение последних 50 лет рассматривалась почти исключительно в Совете Безопасности, исходя скорее из политических, нежели правовых соображений.

6. По поводу цели будущего кодекса было высказано замечание, что, хотя и трудно достичь консенсуса в отношении подлежащих охвату преступлений, этот документ, несомненно, поможет укреплению правопорядка и пресечению наиболее серьезных преступлений против международного мира и безопасности. Было выражено мнение, что непросто определить, какие действия или деяния должны подпадать под компетенцию кодекса, пока еще нет определенности в решении объекта или объектов, защищаемых будущим документом. Было предложено, чтобы две основных цели кодекса — поддержание мира в международном сообществе и защита жизни людей — были отражены в общих положениях документа и чтобы было проведено четкое различие между защищаемыми интересами и нарушающими социальный порядок действиями или деяниями, которые составляют преступления против мира и безопасности человечества, причем чтобы в сферу охвата кодекса несомненно включались преступления против статус-кво в международном сообществе, защищаемые нормами *jus cogens*. Согласно высказанному также в этой связи мнению, правовая основа кодекса не должна содержать слишком много положений действующих договоров, поскольку в нем рассматриваются преступления, которые представляют собой нарушения *jus cogens*.

7. Работа над проектом кодекса, принимая во внимание чрезвычайно серьезные преступления, которые совершаются в разных районах мира, и большой интерес к учреждению международного уголовного суда, расценивалась как весьма актуальная. Было высказано замечание, что срочно требуется всеобъемлющий правовой документ в целях пресечения особо тяжких преступлений, ввиду роста числа тяжких преступлений против мира и безопасности человечества, совершаемых отдельными лицами, которые очень часто действуют безнаказанно. Отмечалось также, что, хотя Комиссия посвятила многие годы созданию режимов международной ответственности и международных обязательств, отражающих преобладающую точку зрения о том, что прежде всего государства несут ответственность за собственные деяния и деяния своих граждан, недавние события в Боснии, Руанде и других районах мира продемонстрировали, что отдельные лица также могут нарушать суверенитет государства, наносить ущерб его интересам или причинять вред его подданным, и что поэтому необходимо рассматривать ответственность отдельных лиц за деяния, которые в прошлом, как правило, вменялись в вину государствам, поскольку во многих странах национальное право не в полной мере отвечает задачам борьбы против таких преступлений. Далее отмечалось, что недавние трагические события в бывшей Югославии и в Руанде продемонстрировали необходимость

разработки кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, который даст возможность международному сообществу положить конец трагическому феномену безнаказанности и воспрепятствует совершению вопиющих нарушений прав человека, где бы и когда бы они ни происходили. Было высказано мнение, что достижение этой цели требует не только создания международного уголовного суда, но и принятия кодекса, который мог бы стать эффективным инструментом предотвращения преступлений против человечности и мировой цивилизации и наказания за них.

b) Темпы работы Комиссии и ориентация ее будущих усилий

8. Несколько делегаций с удовлетворением отметили достигнутый Комиссией в ходе ее сорок седьмой сессии значительный прогресс в рассмотрении проекта кодекса и достойные одобрения усилия Специального докладчика, предложившего реалистичные решения об ограничении числа преступлений. По мнению одного из членов Комиссии, предлагаемое сокращение числа преступлений, подпадающих под действие кодекса, является в принципе позитивным решением, снимающим ранее выраженную озабоченность относительно всей этой проблемы. Комиссия, несомненно, способна откликаться на настоятельные требования международного сообщества разработать правовую основу для решения этого вопроса. Согласно другому мнению, ценность кодекса несколько снижена сокращением основных разделов и существует опасность того, что процесс сокращения может продолжиться.

9. Важными достижениями Комиссии считались разъяснение — для целей применения кодекса — принципов *aut dedere aut judicare* и *non bis in idem*, а также определение сферы применения кодекса национальными и международными судами. Эти достижения характеризовались как бесценный прогресс с учетом деликатности проблем, возникающих в связи с выдачей лиц, обвиняемых в совершении международных преступлений.

10. В то же время отмечалось, что ни государства, ни сама Комиссия еще не достигли согласия по основным вопросам: какие преступления должны определяться как "преступления против мира и безопасности человечества", должен ли перечень таких преступлений быть сокращен или расширен и каким должен быть юридический характер документа в его окончательном виде. Была также выражена озабоченность в связи с тем, что Комиссии не удалось добиться ощутимого прогресса в работе над проектом кодекса на ее сорок седьмой сессии и что она отложила завершение работы по данной теме до 1996 года, а это значит, что деятельность Комиссии была не столь целеустремленной и эффективной как при работе над темой международного уголовного суда.

11. В отношении дальнейшей деятельности было высказано мнение, что перспективы завершения работы над проектом кодекса в предстоящем году улучшились благодаря решению ограничить число охватываемых кодексом преступлений — это значительно повысит

приемлемость окончательного текста для широкого круга заинтересованных сторон. Однако отмечалось, что важные принципиальные и технические вопросы остались нерешенными и требуется уточнение имеющегося текста.

12. Было сочтено необходимым и далее прилагать интенсивные усилия, чтобы более четко установить элементы рассматриваемых преступлений; дополнить их правилами и процедурами представления доказательств; дать предписания в отношении расследования преступлений и выдачи преступника и установить соответствующие критерии, а также надлежащим образом сбалансировать любые международные системы уголовного правосудия и национальные системы уголовного правосудия, с одной стороны, и правовую систему Устава Организации Объединенных Наций — с другой. Предложено также при работе над кодексом стремиться обеспечить надлежащий правовой процесс и гарантии соблюдения принципов, касающихся прав человека, на которых основано современное уголовное право. Поскольку Редакционный комитет в истекшем году работал одновременно над частями I и II проекта, было высказано мнение о целесообразности отдать приоритет завершению работы над частью II, что означало бы конкретную помощь в работе над проектом о международном уголовном суде.

13. Была выражена озабоченность по поводу того, что может оказаться затруднительным завершить второе чтение проекта кодекса на следующей сессии, поскольку многие проблемы остаются нерешенными. Комиссию настоятельно призвали, с одной стороны, уделить необходимое время, чтобы добиться составления точности формулировок и чтобы результаты проделанной работы были вполне удовлетворительными и отвечали надеждам международного сообщества, а, с другой стороны, сконцентрировать внимание на вполне понятных и поддающихся определению преступлениях и подготовить аргументированный и лаконичный проект текста, с тем чтобы он получил максимально широкое признание государств.

14. Некоторые делегации заявили о необходимости проявлять осторожность в ходе дальнейшей работы над проектом кодекса. Подчеркивалось, что следует не только обеспечить свершение правосудия, но и добиться всеобщего признания чрезвычайной серьезности рассматриваемых деяний — процесс, осуществление которого сопряжено со множеством препятствий и трудностей и который поэтому требует позитивного и осторожного подхода, с тем чтобы сбалансировать соображения принципиальности и практичности и тем самым избежать составления еще одного документа для архивов юриспруденции. Было также выражено мнение, что членам Комиссии следует избегать разработки концепций, противоречащих интересам государств или посягающих на их суверенитет, поскольку это воспрепятствовало бы универсальному принятию кодекса.

15. Принятие норм с целью предупреждения международных преступлений против совести и выживания человечества и наказания за них было охарактеризовано как чрезвычайно важная и политически деликатная задача, при решении которой следует учитывать различные

теории уголовного права и практику разных стран и которая требует прогрессивного развития международного права. Было также высказано замечание о том, что если уголовное право на внутригосударственном уровне подкреплено нормами доказательственного права, которые обеспечивают выполнение требования о представлении суду доказательств и допускают проведение допросов во внутригосударственных системах уголовного права, то подобные нормы отсутствуют на международном уровне, где процедуры отличаются от процедур внутригосударственного права и существует больше возможностей для создания препятствий отправлению правосудия путем подкупа или сокрытия доказательств.

16. В связи с вопросом о сущностной основе будущего кодекса и методах его принятия было обращено внимание на расхождения во мнениях: некоторые делегации высказались за принятие международным сообществом декларации, объявляющей определенные деяния столь чудовищными, что их следует квалифицировать как международные преступления, а другие отдали предпочтение принятию кодекса четко сформулированных положений для использования в ходе разбирательства в уголовных судах дел, возбужденных против отдельных лиц, причем эти два подхода представляются взаимоисключающими. По мнению одних, кодекс должен иметь обязательную силу и обрести форму конвенции, содержащей достаточно точные положения для обеспечения ее эффективного применения в ходе судебного преследования отдельных лиц. Такая конвенция, как отмечалось, должна быть разработана в надлежащие сроки в рамках конференции полномочных представителей. По мнению других, кодекс наподобие статуты международных трибуналов для бывшей Югославии и Руанды должен быть принят резолюцией Совета Безопасности — органом, правомочным решать такой вопрос, поскольку агрессия, геноцид, преступления против человечества, военные преступления и международный терроризм представляют угрозу для международного мира и безопасности. Еще одно мнение состояло в том, что, хотя подготовка международной конвенции, имеющей обязательную силу для значительного числа государств, было бы желательным результатом, можно предусмотреть другой вид документа, например декларацию или свод принципов (о чем говорится в пункте 46 доклада Комиссии), как важный шаг в направлении развития принципов нравственного поведения в международном праве.

2. Сфера *ratione materiae* будущего кодекса

а) Общие замечания

17. Сфера *ratione materiae* будущего кодекса была охарактеризована как вопрос фундаментального значения, который будет по-прежнему вызывать противоречия. Было отмечено, что в кодекс следует включить только наиболее серьезные международные преступления, как представляется, — это является преобладающим мнением в Комиссии — и что для обеспечения его широкого принятия наилучшим решением было бы ограничение сферы действия документа преступлениями, которые вызывают резкое международное осуждение.

18. Другие замечания, в частности, предусматривали: а) что сферу *ratione materiae* проекта кодекса следует определять на основе цели документа; б) что международному сообществу следует уделять вопросам мира и безопасности самое пристальное внимание, исходя из наиболее уместных правовых соображений, и что эта работа не должна быть подчинена чисто математическим или политическим расчетам; и с) что в кодексе следует рассматривать лишь преступления, признанные таковыми в соответствии с установившимися нормами международного и обычного права, применение которых не будет зависеть от того, принят ли документ в виде конвенции.

19. В отношении критериев определения того, какие преступления следует включить в кодекс, было заявлено, что метод, принятый Специальным докладчиком, сократившим перечень преступлений с двенадцати до шести, представляется реалистичным и разумным в принципе, хотя неопределенность формулировок может вызвать трудности практического характера. В то же время было заявлено, что метод, выбранный Специальным докладчиком, неприемлем, поскольку преступления, которые он предложил исключить из перечня, являются столь же политическими и спорными, что и шесть преступлений, которые он предложил оставить.

20. Комиссии было предложено продолжать поиски возможностей для широкого согласия в отношении объективных критериев определения не только тяжких международных преступлений, но и тех преступлений, которые квалифицируются как преступления против мира и безопасности человечества. Предлагалось, чтобы такие критерии были отражены в кодексе и включали чрезвычайную тяжесть преступления и общее согласие международного сообщества относительно характера преступления как преступления против мира и безопасности человечества. Было также обращено внимание на необходимость применения согласованных критериев в проекте статута международного уголовного суда и в проекте кодекса.

21. Было высказано мнение, что тяжесть или серьезность конкретного преступления должны быть единственным критерием для включения в кодекс.

22. Согласно другому мнению, подпадающие под сферу действия кодекса преступления должны удовлетворять двум критериям, а именно: быть действительно преступлениями против мира и безопасности человечества и быть приемлемыми для рассмотрения согласно правовым нормам рассматриваемого документа. В этом контексте было высказано замечание, что не всякое серьезное нарушение международного права или морально предосудительное деяние может быть определено как преступление против мира и безопасности человечества, и что сферу компетенции кодекса следует ограничить преступлениями, которые соответствуют принятым государствами правовым нормам, рассматриваются как достаточно серьезные для их определения в качестве преступлений против мира и безопасности человечества и истолковываются как деяния, в достаточной мере поддающиеся идентификации для включения в текст уголовного документа. Данный вопрос следует рассматривать только с правовой, а не с политической точки зрения.

23. Согласно еще одному мнению, следует использовать три критерия для отбора преступлений и для юрисдикции международного уголовного суда: преступления, которые оскорбляют "совесть человечества"; преступления, характер которых подразумевает невозможность применения национальных процедур; и преступления, которые связаны с индивидуальной уголовной ответственностью отдельных лиц. На этой основе предлагалось включить в кодекс только четыре преступления, а именно: агрессию, геноцид, преступления против человечности и тяжкие военные преступления, тогда как преступления, относящиеся к международному терроризму и незаконному обороту наркотических средств, не считались деяниями того же уровня, что и крупномасштабные нарушения гуманитарных норм, аналогичные тем, которые происходили в бывшей Югославии или Руанде.

24. В соответствии с одним подходом, проект кодекса должен охватывать только те преступления, которые представляют серьезную и неминуемую угрозу международному миру и безопасности. Более конкретно было сказано, что имеются в виду те преступления, которые направлены против основополагающих интересов международного сообщества и совести человечества и, следовательно, угрожают миру и безопасности; они должны быть также достаточно серьезными, чтобы их включение отвечало озабоченности всего международного сообщества. В этой же связи высказывалось мнение, что при разработке проекта кодекса следует сосредоточить внимание только на самых серьезных международных правонарушениях, серьезность которых должна определяться ссылкой на такие общие критерии, как политический характер преступления и вероятность того, что оно может угрожать международному миру и безопасности, а также ссылкой на соответствующие конвенции и декларации. Поскольку международный мир постоянно нарушается на местном и региональном уровнях и тем самым ставится под угрозу международный правопорядок, было предложено провести углубленный анализ явлений, представляющих угрозу международному миру и безопасности. Было также предложено рассматривать кодекс как международный документ превентивного и карательного характера, предназначенный для защиты международного правопорядка; это означает, что в кодекс следует включить только определенные преступления, в частности потому, что каждое государство может рассматривать преступления в рамках собственной сферы компетенции.

25. В соответствии с другим подходом, для решения вопроса, какие преступления должны быть включены в проект, следует применять шесть принципов: поведение преступника должно квалифицироваться как носящее достаточно тяжкий характер; преступление должно восприниматься всеми как оскорбляющее их чувства и представлять собой серьезную угрозу миру и безопасности человечества; определения должны быть сформулированы точно и тщательно, как того требует уголовное право в соответствии с принципом *nullum crimen sine lege*; поведение должно подпадать под существующие нормы международного и обычного договорного права; сфера действия кодекса должна ограничиваться преступлениями, исполнители которых несут прямую ответственность согласно существующему международному праву; и преступления должны относиться в первую очередь к той области, к какой относятся международные преступления государств, где индивидуальная уголовная

ответственность будет юридическим последствием незаконного поведения, вменяемого в вину государству, хотя уголовную ответственность будут нести только отдельные лица.

26. В соответствии с еще одним подходом, преступления против мира и преступления против безопасности следует анализировать отдельно и рассматривать как две отдельные категории в целях разъяснения терминов, часто используемых в докладе — серьезность, массовый характер и нарушение международного правопорядка,— которые вряд ли можно использовать для определения преступлений против мира, поскольку преступление против мира является преступлением, где бы и в каких масштабах оно ни имело места, в то время как в случае преступлений против человечества уместно определять серьезность или масштабы деяний или действий для выявления того, представляют ли они угрозу безопасности человечества. Было также предложено, чтобы данное различие распространялось на отдельных лиц, которые совершают такие преступления: в то время как преступление против человечности может совершить лицо, которое не имеет связи с властями государства, преступление против мира не может быть совершено без поддержки государства. Кроме того, предлагалось провести различие между преступлениями, совершенными представителями государства (имеются в виду как преступления против мира, так и преступления против безопасности человечества), и преступлениями, совершенными другими лицами (преступления против безопасности человечества); преступления, совершенные представителями государства, гораздо более серьезны, поскольку связаны со злоупотреблением властью, что также следует принимать во внимание при определении наказания.

b) Ограничительный подход, рекомендованный Специальным докладчиком^{3/}

27. Ряд делегаций поддержали рекомендации Специального докладчика об ограничении перечня преступлений против мира и безопасности человечества теми деяниями, тяжесть которых трудно оспаривать, а именно деяниями, настолько серьезными, что они безоговорочно подпадают под категорию преступлений против мира и безопасности человечества. Было выражено мнение, что Комиссии необходимо установить баланс между правовым идеализмом и политическим реализмом и что подход Специального докладчика достоин одобрения как надлежащим образом склоняющийся к последнему, что может, по-видимому, облегчить работу Комитета, и как оправданный ввиду отсутствия консенсуса в отношении некоторых преступлений, упомянутых в проекте кодекса. Было отмечено, что если целью кодекса является создание возможностей для уголовного преследования и наказания лиц, совершивших преступления такой тяжести, что их жертвой стало человечество в целом, то обоснованный подход, как представляется, состоит в ограничении перечня преступлений "самыми тяжкими", и это может способствовать обеспечению функционирования проекта кодекса в будущем, возможно, в сочетании с учреждением постоянного международного уголовного суда.

^{3/} Замечания в отношении конкретных статей части II отражены в пунктах 84–168, ниже.

28. Несколько делегаций приветствовали предложение Специального докладчика об изъятии из проекта кодекса ряда статей, которые были включены в более ранний вариант этого документа — при этом делалась ссылка на практические доводы, приведенные в тринадцатом докладе Специального докладчика, — и сохранить остальные шесть преступлений в перечне проекта. В частности, было сказано, что этот ограничительный подход не допустит девальвации концепции преступлений против мира и безопасности человечества, что преступления, не поддающиеся точному определению или имеющие скорее политические, чем правовые последствия, должны быть исключены, и что шести преступлениям, предложенным для исключения из проекта, как бы предосудительны они ни были, нет места в кодексе, поскольку они могут лишь воспрепятствовать подготовке общеприемлемого документа. В отношении возникших при подготовке проекта препятствий, и явно непреодолимых расхождений мнений по данному вопросу в Шестом комитете было заявлено, что предложение Специального докладчика ограничить число преступлений шестью, по-видимому, получило поддержку многих членов Комитета.

29. Приветствуя намерение Специального докладчика ограничить перечень преступлений теми, включение которых вряд ли можно оспаривать, а именно такими, как агрессия, геноцид, военные преступления, преступления против человечности, международный терроризм и незаконный оборот наркотических средств, некоторые делегации тем не менее выразили сомнения относительно включения двух последних преступлений. Было обращено внимание на несомненно сложившийся в Комиссии консенсус в пользу включения первых четырех преступлений в проект кодекса, при том условии, что будут найдены адекватные решения проблем определения, в частности понятия "агрессия", причем получило поддержку намерение Специального докладчика вернуться к формулировкам "преступления против человечности" и "военные преступления" для обозначения третьего и четвертого пунктов перечня, соответственно. Согласно высказанному замечанию, хотя всеобъемлющий кодекс, включающий все статьи, принятые Комиссией в первом чтении, был бы более эффективным для укрепления международного права, предложение Специального докладчика в принципе приемлемо как средство, позволяющее добиться консенсуса и облегчить принятие кодекса международным сообществом.

30. Другие делегации, соглашаясь с соображениями Специального докладчика в пользу сокращения перечня преступлений, тем не менее подчеркивали, что ограничительный перечень преступлений отнюдь не гарантирует принятия кодекса государствами, равно как не является и гарантией достижения консенсуса в отношении его содержания, что отмечено в пункте 55 доклада Комиссии. Было предложено более подробно изучить вопрос об изъятии некоторых преступлений, поскольку рассматриваемые преступления представляют собой серьезные правонарушения, направленные против совести человечества, и угрозу миру и безопасности человечества.

31. Другие делегации выразили озабоченность по поводу того, что достигнутые до сих пор общие результаты прений по проекту кодекса неудовлетворительны, и сочли достойным

сожаления предложение об изъятии из перечня нескольких преступлений, которые считались достаточно важными, чтобы заслужить включения в перечень на стадии первого чтения, тем более, что серьезности некоторых из этих преступлений, например терроризму, со временем стали придавать даже еще большее значение. Было также выражено мнение, что нет оснований для исключения из проекта кодекса таких серьезных преступлений, как интервенция, колониализм, апартеид, наемничество и международный терроризм.

32. Относительно утверждения, что такие одиозные преступления, как апартеид и колониальное господство, не должны фигурировать в кодексе в силу того, что они исчезли, было заявлено, что результаты научно-технического прогресса последних лет говорят о противоположном и что, например, новые способы повышения благосостояния, по-видимому, останутся доступными лишь для немногих стран, обладающих необходимыми финансовыми и техническими ресурсами. Было также отмечено, что, хотя большинство преступлений, которые предложил изъять Специальный докладчик, отражают практику, которая существовала в прошлом, однако для того, чтобы не допустить появления таких преступлений их следует включить в кодекс.

33. В отношении довода, согласно которому ряд исключенных из перечня преступлений, например интервенция, колониальное господство и другие формы иностранного господства, уже охвачены конвенциями или декларациями Генеральной Ассамблеи, было выражено мнение, что действующие правовые документы должны служить рабочими документами, на основе которых Комиссия могла бы продолжать свою работу по кодификации и прогрессивному развитию международного права.

34. Было также заявлено, что Специальный докладчик был вынужден отобрать деяния, которые бесспорно являются преступлениями, чтобы включить их в кодекс, основываясь на оговорках или мнениях небольшого числа государств, которые не отражают позицию международного сообщества, поскольку большинство развивающихся стран не смогло представить замечания по проекту статей, принятых в первом чтении. Значение, которое следует придавать письменным замечаниям правительств, было поставлено под сомнение, принимая во внимание тот факт, что правительства предпочитают выражать свое мнение в Шестом комитете.

35. Относительно заявления о том, что более всеобъемлющий кодекс станет "мертвой буквой" и никогда не будет применяться, было высказано мнение, что ограничительный кодекс может представить мир, в котором богатые постепенно будут становиться богаче, а бедные — беднее, и что всеобъемлющий документ, имеющий ценность не только как репрессивный механизм, но и как документ, побуждающий отказаться от преступных деяний, возвестит о мире, которым правит сила закона, а не закон силы.

36. Решение Комиссии принять рекомендованный подход привело к диаметрально противоположному расхождению во мнениях. Некоторые делегации считали его мудрым и

реалистичным и способным повысить возможность признания кодекса, а также содействовать его универсальности, что будет иметь большое значение, когда проект превратится в договор. Далее было отмечено, что решение об исключении, без колебаний принятое Комиссией, было основано на динамике развития международных отношений и было абсолютно необходимым для жизнеспособности и признания проекта кодекса. Отмечалось также, что ограничительный подход соответствует мнению, преобладающему в Специальном комитете по учреждению международного уголовного суда, где большинство государств, как представляется, намерены ограничить компетенцию *rationae materiae* будущего суда "самыми тяжкими" преступлениями по общему международному праву, которые оскорбляют совесть всего человечества.

37. Было поддержано решение Комиссии ограничить сферу охвата проекта кодекса преступлениями, тяжесть которых бесспорна, и сконцентрировать внимание на четырех из них, а именно: на агрессии, геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях; было также поддержано ее решение передать Редакционному комитету лишь соответствующие четыре статьи, что свидетельствует скорее о реалистичной, чем о политической концепции преступлений против мира и безопасности человечества. В то же время некоторые делегации выступили в поддержку решения Комиссии продолжить консультации в отношении двух других преступлений, а именно в отношении незаконного оборота наркотических средств и преднамеренного и серьезного ущерба окружающей среде.

38. По мнению других делегаций, Комиссия слишком существенно сократила перечень преступлений, тем самым отразив тенденцию к сосредоточению усилий в большей мере на кодификации, чем на прогрессивном развитии международного права. Было выражено мнение, что решение об исключении некоторых преступлений из проекта из-за отсутствия в их определении точности, которую требует уголовное право, было опрометчивым, так как оно влечет за собой опасность придания незначительности некоторым деяниям. В этой связи упоминалась деятельность наемников, колониальное господство и другие формы иностранного господства. Была выражена озабоченность тем, что государства, которые в последние годы рассматривали учреждение международного уголовного суда в качестве первоочередной задачи, теперь склоняются в пользу исключения некоторых преступлений из кодекса, ссылаясь на то, что будущий суд не следует перегружать вопросами, которые могут быть решены на национальном уровне. Было сказано, что эти трудности без ущерба для компетенции *ratione materiae* международного уголовного суда можно преодолеть, если перечень изложенных в кодексе преступлений дополнить перечнем нарушений, характеризующихся как международные преступления согласно праву международных договоров и обычному международному праву. Было также высказано мнение, что, хотя, возможно, и существуют причины для исключения некоторых нарушений из юрисдикции будущего суда, включение таких нарушений в кодекс даст возможность уголовным судам квалифицировать некоторые деяния как преступления и наказывать тех, кто их совершил.

39. Некоторые делегации, поддерживая ограничительный перечень, отмечали, что исключение конкретных преступлений не умаляет их серьезности и не изменяет их статуса как

преступлений, признанных таковыми, согласно международному праву. Было также отмечено, что сокращение числа преступлений, охватываемых кодексом, не предвещает уголовного характера других деяний, совершаемых отдельными лицами и наказуемых в соответствии с существующими международными документами. Такие деяния должны рассматриваться в рамках действующих международных документов или, если это необходимо, в рамках поправок к этим документам; соответствующее положение можно было бы включить в резолюцию, которая, возможно, утвердит принятие кодекса.

40. Предложение Специального докладчика о том, что некоторые преступления, изъятые из перечня, могли бы быть рассмотрены в категории таких преступлений, как агрессия или международный терроризм, встретило определенную поддержку. Отмечалось, что, предлагая Редакционному комитету, по его усмотрению, уделить внимание статьям 17, 18, 20, 23 и 24, Комиссия, несомненно, признала необходимым пересмотреть эти соответствующие преступления с учетом глобальной перспективы и с точки зрения их компонентов. Однако был поднят вопрос, придавала ли Комиссия этим преступлениям то же самое значение что и незаконному обороту наркотических средств и преднамеренному и серьезному ущербу окружающей среде. С другой стороны, было высказано мнение, что обращенная к Редакционному комитету просьба Комиссии может лишь усложнить работу и отсрочить ее завершение.

41. По мнению ряда делегаций, кодекс должен предусматривать возможность дополнения или изменения, в случае необходимости, перечня преступлений. Обращалось внимание на упомянутую в пункте 41 доклада Комиссии идею "временного ограничения" сферы применения кодекса шестью преступлениями, определенными Специальным докладчиком, с тем чтобы облегчить достижение консенсуса. По мнению одного из выступавших, было бы целесообразно предусмотреть в кодексе механизм прогрессивного включения преступлений, в отношении которых может быть однажды достигнут широкий международный консенсус, или изъятия конкретных преступлений — компромиссная формула, которая даст возможность учитывать изменения, происходящие в мировом сообществе. Было заявлено, что возможность внесения изменений или расширения сферы действия кодекса, который не следует рассматривать как окончательный или не подлежащий изменениям правовой документ, может быть предусмотрена в конвенции об учреждении кодекса, в самом кодексе или в соответствующей резолюции Генеральной Ассамблеи.

3. Взаимосвязь между проектом кодекса и предлагаемым международным уголовным судом

42. Были высказаны разные мнения по вопросу о связи между проектом кодекса и проектом статута международного уголовного суда. Было обращено внимание на резолюцию 46/54 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1991 года, в которой Ассамблея предложила Комиссии в рамках ее будущей работы над проектом кодекса рассмотреть предложения о создании международного уголовного суда. Было выражено мнение, что эти два документа

тесно связаны между собой и что любое ослабление действенности проекта кодекса соответственно приведет к ослаблению роли постоянного суда. Было выражено сожаление по поводу того, что пришлось разделить проект кодекса и проект статута, принимая во внимание, что суд первоначально предусматривался как правовой орган, в котором будет применяться кодекс.

43. Отмечалось, что существует сложная взаимосвязь между процессом завершения работы над кодексом и созданием международной уголовной юрисдикции и что кодекс с большим успехом применялся бы международным уголовным судом, нежели национальными судами. Было также заявлено, что и деятельность международного уголовного суда и соответствующие положения кодекса должны обеспечить основу для создания недискриминационной, объективной и универсальной системы международного уголовного правосудия. Комиссию просили предпринять максимально возможные усилия для завершения ее работы над проектом кодекса, с тем чтобы обеспечить предлагаемый международный уголовный суд, работа над созданием которого, по-видимому, продвигается вполне успешно, надежным и всеобъемлющим правовым документом, необходимым для пресечения исключительно тяжких преступлений. Была также выражена обеспокоенность в связи с тем, что минималистская тенденция, проявившаяся в стремлении прервать существенно важную связь между кодексом и предлагаемым международным уголовным судом, привела к тому, что было исключено положение об уголовной ответственности государств, — такой подход представляется неприемлемым, особенно для стран "третьего мира".

44. С другой стороны, было высказано мнение, что прения по проекту статута международного уголовного суда достигли критической фазы и любая попытка связать работу над кодексом с присущими ему многими противоречивыми элементами и работу над статутом суда лишь уменьшит или замедлит достигнутый в ходе этих прений прогресс. Согласно высказанному замечанию, проект кодекса и проект, касающийся предлагаемого международного уголовного суда, — это два разных проекта, которые не следует увязывать друг с другом, поскольку прогресс, достигнутый в осуществлении одного проекта не зависит от прогресса, достигнутого в осуществлении другого.

45. Некоторые делегации прокомментировали наличие существенной взаимосвязи между проектом кодекса и проектом статута, не предлагая устанавливать между двумя документами формальные связи. Было выражено мнение, что у кодекса и будущего суда есть общая цель, состоящая в предоставлении национальным судам или международному органу возможности назначать наказание за особенно отвратительные преступления, совершаемые государствами или отдельными лицами, и что поэтому оба проекта должны быть максимально связаны друг с другом, особенно в части определения преступлений и характера и степени тяжести наказаний, тем более что международный уголовный суд предусмотрен как дополнительный — по отношению к национальным судам — орган. В этой связи было внесено предложение о целесообразности изучения взаимосвязи между конвенцией, содержащей кодекс преступлений, и созданием международной уголовной юрисдикции при рассмотрении сложных проблем,

связанных с учреждением новой системы уголовного права, что нашло отражение в кодексе, включая определения рассматриваемых преступлений, юрисдикцию в отношении предания суду обвиняемых, механизмы предания суду обвиняемых, положения о процедурах судебного разбирательства, гарантии прав обвиняемых и нормы, регулирующие установление наказаний в случае признания обвиняемых виновными.

46. С другой стороны, было заявлено, что работа над проектом кодекса, осуществляемая в рамках позитивного права, и работа над проектом статута международного уголовного суда как документа процессуального права ставит под вопрос взаимосвязь между ними. Предлагалось пересмотреть подход к разработке кодекса и сосредоточить внимание на подлежащих включению в кодекс преступлениям, а не на определении преступлений, которые подпадают под юрисдикцию суда, потому что проделанная за последнее время работа над проектом статута придала ему характер документа, в большей степени относящегося к области позитивного права. Была выражена озабоченность в связи с тем, что, поскольку кодекс предназначен для обеспечения разработки существенных норм международного уголовного права, на основе которых суд может устанавливать индивидуальную уголовную ответственность, то существует опасность — в случае определения одних и тех же преступлений в обоих документах — не только дублирования работы, но и расхождений, которые будут препятствовать эффективному функционированию международного уголовного суда. Кроме того, цель и необходимость кодекса были поставлены под сомнение, поскольку обоснование такого документа является частью политики по облегчению международного преследования в тех случаях, когда национальной юрисдикции недостаточно, и это обоснование ставится под вопрос прогрессом, достигнутым на переговорах о создании международного уголовного суда. Было обращено внимание на следующее обстоятельство: существует опасность того, что Комиссия как орган, состоящий из независимых экспертов, может составить проект кодекса, отличающийся от статута суда, в отношении которого правительства проводили тщательно подготовленные переговоры. Поэтому Комиссии было предложено не тратить свою драгоценную энергию и ограниченное время на идею, которую опередили события.

47. Несколько делегаций прокомментировали необходимость согласовать положения проекта кодекса и положения статута, особенно определения преступлений, принимая во внимание, что кодекс будет представлять собой свод применяемых основополагающих правовых норм для судов. Было предложено сформулировать принципы *non bis in idem* и отсутствия обратной силы в идентичных выражениях в обоих документах. В поддержку предложения о согласовании обоих документов было также сказано: а) что кодекс должен будет дополнять будущую систему международной уголовной юрисдикции и содействовать унификации внутригосударственного уголовного права и практики, касающейся преследования виновных в совершении наиболее тяжких преступлений против международного права; б) что в Специальном комитете по учреждению международного уголовного суда и в Комиссии наблюдается одинаковая тенденция — сократить перечень преступлений, включая геноцид, преступления против человечности и серьезные военные преступления; и с) что есть вопросы, которые имеют отношение и к кодексу, и к суду, например вопрос о роли Совета Безопасности

в определении понятия "осуществление акта агрессии". В этой связи был сделан упор на необходимости координировать обсуждения, проводимые в двух вышеупомянутых органах, и укреплять сотрудничество между государствами и Комиссией, поддерживая проходящий диалог через гибкие и неофициальные каналы. Для обеспечения процесса согласования положений проекта кодекса и проекта статута, с тем чтобы добиться создания более связанной и интегрированной структуры, было предложено, среди прочего, а) чтобы Комиссия при подготовке окончательного проекта кодекса имела в своем распоряжении всю документацию, относящуюся к проекту статута международного уголовного суда; и b) чтобы, в случае необходимости, ей было позволено пересмотреть некоторые положения проекта статута в свете окончательных итогов ее работы над проектом кодекса.

4. Замечания по конкретным статьям

а) Часть I

Статья 1. Определение

48. Несколько делегаций высказались за включение в проект общего концептуального определения понятия "преступление против мира и безопасности человечества". В этой связи было высказано следующее замечание: хотя решение перечислить такие преступления до попытки определить их было прагматичным, пришло время рассмотреть концептуальное определение, которое придаст большую стабильность кодексу, особенно если его целью является составление перечня преступлений, который может быть впоследствии пересмотрен. Однако была высказана озабоченность по поводу того, что концептуальное определение может послужить причиной появления толкований, которые приведут к исключению некоторых преступлений из сферы применения кодекса.

49. В поддержку включения в перечень общего определения преступлений, подпадающих под сферу действия кодекса, было заявлено, что не все преступления против мира и безопасности человечества носят массовый характер и вопрос о том, отвечает ли деяние критерию чрезвычайной тяжести или представляет серьезную и немедленную угрозу миру и безопасности человечества, зачастую становится ясным лишь тогда, когда деяние рассматривается с учетом условий, существовавших во время его совершения. Было также сделано замечание, что минималистский критерий, принятый Специальным докладчиком, вынуждает дать общее определение понятию "преступление против мира и безопасности человечества", которое служило бы общим знаменателем в отношении преступлений, подлежащих сохранению в кодексе, и позволило бы исключать из него другие, а также стало бы гарантией того, что выбор основан на объективных критериях, учитывающих характер и последствия рассматриваемых деяний.

50. Было внесено более конкретное предложение о том, что в основу такого определения мог быть положен критерий тяжести соответствующих преступлений, опасности угрозы,

которую они представляют для установленного правопорядка, и их трансграничного характера. Было предложено изменить формулировку статьи 1 следующим образом: "В настоящем кодексе определяются преступления, которые в силу своей исключительной тяжести и озабоченности, вызываемой ими у международного сообщества, являются преступлениями против мира и безопасности человечества", или "кодекс применяется к исключительно тяжким преступлениям, которые вызывают озабоченность у международного сообщества и которые в соответствии с содержащимся в настоящем кодексе определением, представляют собой преступления против мира и безопасности человечества". Было также заявлено, что двухэлементное определение — исключительная тяжесть преступления и озабоченность международного сообщества — полезны для определения преступлений, но для определения конкретного преступления может потребоваться прямая ссылка на один или оба эти элемента.

51. Выражение "по международному праву" вызвало противоречивые комментарии. В добавление к тому, что решение заключить это выражение в квадратные скобки рассматривалось как спорное, оно к тому же было сочтено необязательным, поскольку преступления, ссылка на которые содержится в кодексе, станут частью международного уголовного права, когда кодекс в конечном счете будет принят.

Статья 2. Квалификация

52. Некоторые делегации поддержали предложение о сохранении статьи 2. Было выражено мнение, что в положении о квалификации должен быть отражен принцип, согласно которому квалификация деяния как преступления против мира и безопасности человечества обуславливается практикой применения международного права и не зависит от внутригосударственного права. Как было замечено, упомянутый принцип сложился как следствие идеи о том, что преступления, о которых идет речь, являются преступлениями по международному праву, как это признавалось со времени проведения Нюрнбергского трибунала. Отмечалось также, что, в отличие от договорного или обычного международного права, национальное право, в силу необходимости, играет ограниченную роль, и это было признано Комиссией при подготовке проекта статута международного уголовного суда, поскольку положения национального права нельзя применять, если они противоречат нормам международного права.

53. Вместе с тем подчеркивалась необходимость обеспечивать увязку между международным правом и национальным правом и избегать любой неопределенности. Особый упор был сделан на обязательстве государств — участников будущего кодекса привести уголовное законодательство своих стран в соответствии с обязательствами, вытекающими из этого документа, и тем самым исключить возможность того, что действия, квалифицируемые, согласно положениям кодекса, как международные преступления, могут выйти за рамки категории деяний, наказуемых законодательству государства — участника кодекса. Поэтому было предложено добавить следующие слова в конце статьи 2: "без ущерба

обязательству государств-участников привести законодательство своих стран в соответствие с положениями настоящего кодекса".

54. Хотя международное право, как было заявлено, обеспечивает достаточно прочную основу для классификации преступлений, решение возникающих в этой связи вопросов, например вопросов наказания потребует, возможно, обращения к нормам национального права. Отмечалось, что такая возможность не исключается существующей редакцией статьи 2.

Статья 3. Ответственность и наказание

55. Согласно высказанному мнению, для того чтобы проект кодекса вступил в силу и стал краеугольным камнем международной системы исполнения норм уголовного права, в нем должны четко излагаться общие правила, устанавливающие индивидуальную уголовную ответственность.

56. Было предложено четко сформулировать в статье 3 ссылку на преступное намерение, с тем чтобы отразить требование *mens rea* в качестве общего принципа уголовного права, принимая вместе с тем во внимание исключительные случаи строгой ответственности, когда в упоминании о намерении нет необходимости. Однако было также изложено мнение, согласно которому понятие "преступное намерение" подразумевается характером деяний, подпадающих под сферу действия данной статьи, и что было бы достаточным рассмотреть этот вопрос в комментарии.

57. В отношении пункта 2 было выражено мнение, что ввиду ограниченного характера перечня преступлений существующие положения, касающиеся судебного преследования лиц, виновных в соучастии, следует сохранить. Было также предложено изменить содержащуюся в пункте 2 формулировку определений преступлений в соответствии с пунктом 3 статьи 3, с тем чтобы включить понятие покушения на совершение этих преступлений.

58. Некоторые делегации считали, что принципы, касающиеся соучастия и покушения и изложенные в пунктах 2 и 3 статьи 3, требуют дальнейшего рассмотрения, равно как и определение понятия виновности, упомянутого в статьях 11–13. Хотя были должным образом признаны трудности, связанные с достаточно точным, чтобы отвечать строгим стандартам уголовного права, определением преступлений по международному праву, тем не менее было сочтено, что этим пунктам статьи 3 не хватает точности и тщательности, как того требует соблюдение принципа *nullum crimen sine lege*, и что они не обеспечивают твердой основы для надлежащего установления индивидуальной ответственности. Было также высказано мнение, что рассматриваемые положения должны быть более конкретными, поскольку на них основывается почти неограниченная персональная ответственность за судебное преследование, как и слишком широкое понятие соучастия и покушения. Было также отмечено, что излишне широкое содержание понятия участия в преступлении затруднит применение проекта кодекса и, следовательно, ухудшит перспективы его принятия международным сообществом.

59. Что касается наказаний — элемента, который наряду с идентификацией преступлений и предоставлением юрисдикции рассматривался как существенно необходимый для обеспечения эффективности применения кодекса и его соответствия принципу *nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege*, то некоторые делегации поддержали идею включения в текст общего положения, устанавливающего шкалу наказаний, которые должны применяться судом, исходя из тяжести преступления. Предлагалось включить общее положение о характере возможных наказаний в соответствии с моделью статьи 24 Статута Международного трибунала для бывшей Югославии и, кроме того, обращалось внимание на необходимость обеспечить совместимость положений о наказаниях с положениями проекта статута международного уголовного суда.

60. Более конкретные замечания включали: а) замечание о необходимости установить максимальное наказание, причем вопрос о вынесении фактического наказания с учетом смягчающих или отягчающих обстоятельств остается на усмотрение судьи; б) замечание о целесообразности предусмотреть в кодексе общую статью о максимальных и минимальных наказаниях, чтобы определять меру наказаний в каждой статье части II; и с) предложение, согласно которому в общем положении о наказаниях должна быть предусмотрена, насколько это возможно, максимальная мера наказания в виде пожизненного заключения, а определение других сроков наказания было оставлено на усмотрение международного уголовного суда и зависело от обстоятельств каждого дела.

61. По мнению других делегаций, Комиссия должна рассмотреть вопрос об определении для каждого преступления меры наказания с высшими и низшими пределами, как того требует принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege*. Согласно одному из замечаний, установление высшего предела наказания противоречило бы этому принципу и позволило бы национальным судам выносить решение о мере наказания по своему усмотрению, не превышая указанного предела. Было также высказано мнение о том, что, хотя Комиссия, по-видимому, считает предпочтительным принятие одного свода максимальных и минимальных наказаний, применимых ко всем преступлениям, данный вопрос требует дальнейшего изучения, поскольку в соответствии с принципом законности вид и степень наказания должны определяться с учетом составных элементов каждого преступления.

62. В связи с вопросом о вынесении наказаний внимание было обращено на взаимосвязь между проектом кодекса и проектом статута международного уголовного суда. Отмечалось, что вопрос об определении преступлений и в равной степени вопрос о наказаниях имеют крайне важное значение как для подготовки проекта кодекса, так и для создания международного уголовного суда и что положения соответствующих документов, касающихся наказаний, следует согласовать.

63. Относительно роли национального права в данной области отмечалось, что применяемые наказания можно установить со ссылкой на национальное законодательство государства, в котором было совершено преступление; при этом однозначно исключается высшая мера наказания. Отмечалось также, что можно было бы дать в кодексе ссылку на

шкалу наказаний, установленную в соответствии с внутренним правом государства, на территории которого было совершено деяние; это означало бы, что данное государство ввело соответствующее законодательство по обсуждаемому вопросу. Хотя и была предусмотрена возможность возложения на государства ответственности за введение в их законодательства положений о действенных штрафных санкциях, что решило бы проблему как на национальном, так и на международном уровнях, более предпочтительной была сочтена формула, в соответствии с которой в самом кодексе будут установлены высшие и низшие пределы наказания, с тем чтобы избежать большого разброса мер наказания, определяемых согласно национальному праву различных государств.

Статья 4. Мотивы

64. В отношении данного проекта статьи никаких замечаний высказано не было.

Статья 5. Ответственность государств

65. Цель данной статьи — напомнить о важном значении того факта, что индивидуальная уголовная ответственность наступает, не предпреля окончательного решения вопроса об ответственности государства, которую оно может нести за вменяемое ему деяние по международному праву. Комиссии была выражена признательность за ее четко обозначенную позицию, согласно которой государство не может быть освобождено от ответственности за какое-либо деяние в силу того факта, что данное деяние вменяется в вину отдельным лицам, которые могут быть или не быть представителями или подданными этого государства. Чрезвычайно важно, как было заявлено, не исключать ответственность государства за ущерб, причиненный его представителями в результате совершения ими уголовных деяний, принимая во внимание, среди прочего, статью IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Было также заявлено, что при создании международного режима индивидуальной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества нельзя абстрагироваться от того факта, что первоочередную ответственность за предупреждение таких деяний несут государства.

66. В отношении понятия "уголовная ответственность государства" было высказано мнение, что к суду могут быть привлечены лишь отдельные лица и что рассматриваемое понятие, которое обсуждалось как в контексте проекта кодекса, так и в контексте ответственности государств, не соответствует ни реалиям международных отношений, ни нормам международного права, установленным Международной конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Тем не менее отмечалось, что государство может быть вовлечено в международное преступление, такое как агрессия или государственный терроризм. Были сделаны другие замечания, в частности: а) если государству может быть вменена уголовная ответственность, соответствующие наказания должны быть конкретизированы; б) принцип *societas delinquere non potest* исключает штрафные санкции; в) Совет Безопасности правомочен налагать санкции в соответствии с правом международных

договоров — Уставом Организации Объединенных Наций; и d) деликатная проблема ответственности государств в отношении международных преступлений, подпадающих под сферу действия кодекса, потребует рассмотрения на определенной стадии.

67. В отношении взаимосвязи между проектом кодекса и проектом статей Комиссии об ответственности государств было заявлено, что события, происходившие в области международного права в течение последних 50 лет, свидетельствуют о различных уровнях ответственности государств и отдельных лиц, а именно ответственности государств за международно-противоправные деяния; ответственности государств за международно-противоправные деяния, которые в соответствии со статьей 19 части I проекта статей Комиссии об ответственности государств представляют собой международные преступления; индивидуальной ответственности за деяния, являющиеся международными преступлениями в соответствии с правом международных договоров или общим международным правом; и индивидуальной ответственности за международные преступления, которые в соответствии с будущим правом международных договоров или общим международным правом будут квалифицироваться как преступления против мира и безопасности человечества. Хотя взаимосвязь между ответственностью государств и индивидуальной ответственностью и признавалась недостаточно определенной, было заявлено, что если отдельное лицо является правительственным чиновником, действующим от имени государства, то, по всей вероятности, возникнет ответственность государства помимо индивидуальной ответственности отдельных лиц в отношении деяний, которые представляют собой преступления против мира и безопасности человечества. Подчеркивалось наличие связи между статьей 5 и статьей 19 части I проекта статей об ответственности государств, поскольку действия отдельных лиц в значительной мере способствуют совершению преступлений государствами.

68. Согласно мнению одной делегации, в кодексе прежде всего необходимо дать определение понятия "международные преступления, совершаемые государствами", с тем чтобы увязать уголовную ответственность отдельных лиц, которые участвовали в таких преступлениях, с ответственностью государства. В этой связи внимание было обращено на статью 10 части II проекта статей Комиссии по проекту статей об ответственности государств, в которой говорится, что "в тех случаях, когда международно-противоправное деяние является следствием... уголовного поведения должностных лиц или частных сторон..., наказание этих виновных" может являться одной из форм сатисфакции. Формулировка статьи 5 проекта кодекса, в соответствии с которой "судебное преследование какого-либо лица за преступления против мира и безопасности человечества не освобождает государство от ответственности по международному праву за действие или бездействие, вменяемое этому государству", рассматривалась поэтому как ошибочная, поскольку судебное преследование, о котором идет речь в статье, является неотъемлемой частью предусмотренной сатисфакции. Была выражена надежда на то, что в ходе рассмотрения проекта кодекса во втором чтении Комиссия изучит проблемы в контексте не только статьи 5, но и разработки общих критериев для определения преступлений против мира и безопасности человечества.

Статья 6. Обязательство предавать суду или выдавать другому государству

69. Формулировка статьи 6 была признана приемлемой в принципе, хотя было обращено внимание на необходимость обеспечить соответствие ее положений положениям проекта статута международного уголовного суда, Международных пактов по правам человека и различных правовых систем мира.

70. В отношении пункта 2 было высказано мнение о целесообразности дать более четкое определение понятиям "выдача" и "запрос о выдаче" при том понимании, что в результате учреждения международного уголовного суда данное положение не станет спорным.

71. В связи с пунктом 3 некоторые делегации выразили поддержку созданию эффективного международного механизма предания суду за наиболее серьезные нарушения международного права. По мнению одной делегации, несмотря на обязательства соответствующих национальных органов бороться с такими нарушениями, именно международный уголовный суд в обозримом будущем станет инструментом сдерживания потенциальных преступников. Было отмечено, что хотя первой целью кодекса является изложение ряда норм международного права, которые могут применяться государствами и особенно судами государств, вторая его цель заключается в применении этих норм на международном уровне, причем кодекс должен применяться с этой целью международными уголовными трибуналами и прежде всего будущим международным уголовным судом. Поэтому была подчеркнута важность четкого изложения международного уголовного кодекса, который мог бы применяться не только специальными трибуналами, но и международным уголовным судом.

72. Хотя позиция Комиссии относительно создания международного уголовного суда считалась хорошо обоснованной, подчеркивалось, что такой суд не должен стать препятствием для осуществления государствами собственной юрисдикции в отношении подсудных его судам преступлений и для того, чтобы государства могли взять на себя в этих случаях основную ответственность за отправление правосудия. Было также выражено мнение, что судебное преследование и наказание за преступления, включенные в кодекс, следует оставить на усмотрение систем национального правосудия, за исключением тех случаев, когда речь идет об угрозе международному миру и правопорядку какого-либо государства.

Статья 7. Неприменимость срока давности

73. Принцип неприменимости срока давности к военным преступлениям был охарактеризован как неотъемлемая часть общих принципов уголовного права и как имеющий, в таком качестве, свое место в общих положениях проекта кодекса. В этой связи было также сказано, что серьезность предусмотренных в кодексе преступлений оправдывает их "непогашаемость давностью".

Статья 8. Судебные гарантии

74. Соответствующие судебные гарантии рассматривались в качестве весьма важных факторов обеспечения такого положения, при котором судебное разбирательство проводится беспристрастным трибуналом. Формулировка этого положения была сочтена приемлемой в принципе, хотя было обращено внимание на необходимость обеспечить увязку данного положения с положениями проекта статута международного уголовного суда, Международных пактов по правам человека и различными правовыми системами мира.

Статья 9. Non bis in idem

75. Статья была сочтена требующей дальнейшего изучения, поскольку нынешняя формулировка может противоречить положениям конституций некоторых государств-членов.

Статья 10. Отсутствие обратной силы

76. Положение было сочтено приемлемым в принципе, при условии выполнения оговорки, содержащейся во втором предложении пункта 74, выше.

Статья 11. Приказ правительства или начальника

77. Конкретных замечаний в отношении этого проекта статьи высказано не было.

Статья 12. Ответственность начальника

78. Конкретных замечаний в отношении этого проекта статьи высказано не было.

Статья 13. Официальный статус и ответственность

79. Конкретных замечаний в отношении этого проекта статьи высказано не было.

Статья 14. Оправдания и смягчающие вину обстоятельства

80. Конкретных замечаний в отношении этого проекта статьи высказано не было.

b) Часть II

81. Несколько делегаций, с учетом принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege*, подчеркнули, насколько важно сделать все возможное, чтобы определение каждого преступления было точным и взвешенным, как того требуют соответствующие нормы уголовного права, и чтобы кодекс как правовой документ был ясным и понятным для защищаемых лиц и эффективным в отношении потенциальных обвиняемых. Была выражена

надежда на то, что в ходе второго чтения части II Комиссия уточнит определения преступлений с целью их максимально возможного приближения к стандартам уголовного права, невзирая на расхождения во мнениях относительно целесообразности сохранения в кодексе ряда преступлений и их определений.

82. Согласно одному из замечаний, кодекс как документ, не связанный со статутами международных судов, должен определять материальное право, применимое как национальными, так и международными судами. Было также сказано, что определения должны быть достаточно открытыми, чтобы кодекс мог применяться в различных обстоятельствах, поддерживая вместе с тем важную правовую традицию, согласно которой элементы состава преступлений должны перечисляться подробно во избежание проблем их толкования в будущем. Подчеркивалась необходимость избегать в определениях ссылок на соответствующие положения Устава Организации Объединенных Наций, с тем чтобы предотвратить любой риск коллизии компетенции двух органов Организации Объединенных Наций.

83. Что касается взаимосвязи между статьей 19 части I проекта статей об ответственности государств и кодексом с точки зрения идентификации преступлений, то, согласно одному из замечаний, нет причин, по которым перечни правонарушений, изложенные в двух текстах, должны быть идентичными, даже при том, что в известной степени они могут и должны совпадать: например, определение агрессии в контексте статьи 19 должно охватывать агрессию в целом, тогда как кодекс, в соответствии с Нюрнбергскими принципами, может обеспечить индивидуальную ответственность только за военную агрессию.

Статья 15. Агрессия

84. Некоторые делегации поддержали идею включения в проект кодекса преступления агрессии, которое, как было отмечено, по своему характеру и с учетом законодательной предыстории подготовки проекта кодекса, является основным элементом последнего. В соответствии с этим было высказано замечание о том, что агрессия представляет собой основное преступление в сфере международных отношений и, следовательно, "основу" проекта кодекса. Отмечалось также, что включение преступления агрессии было поддержано всеми членами Комиссии, несмотря на хорошо известные сложности, связанные с определением преступлений.

85. Другие делегации остались на своих позициях до завершения подготовки достаточно четкого определения преступления агрессии — задача, которую необходимо решить с учетом положений Устава, касающихся мандата Совета Безопасности. В этом контексте было выражено мнение, что определение индивидуальной ответственности за преступление агрессии привело к появлению серьезных препятствий, которые представляются все более непреодолимыми.

86. В более конкретном плане задача разработки достаточно четкого определения агрессии, необходимого для установления индивидуальной ответственности и обеспечения гарантий против произвольного применения, была охарактеризована как весьма сложная. Было выражено мнение, что преступление агрессии, ставшее предметом широкой дискуссии, по-прежнему сопряжено с серьезными трудностями по двум основным причинам: во-первых, оно не было определено в каком-либо другом конвенционном документе; и, во-вторых, агрессия, по-видимому, затрагивает государства или правительства, а не отдельных лиц. Было высказано предположение, что широкое определение термина и неполный перечень актов агрессии создадут хорошую основу для дальнейшего обсуждения этой темы. Хотя Комиссии и была выражена благодарность за реалистичное и конструктивное обсуждение этой проблемы, ее вместе с тем призвали не останавливаться на достигнутом и на основе статьи 39 Устава и резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года об Определении агрессии решить, какие деяния представляют собой агрессию и, что самое важное, кто совершает агрессию — государство, отдельное лицо или оба субъекта права.

87. Были выражены различные мнения о том, в какой степени вышеупомянутое Определение агрессии должно быть отражено в статье 15. Некоторые делегации пришли к выводу, что данное определение отвечает запросам Комиссии, что оно демонстрировало гибкость и практичность в течение ряда лет и представляет собой наилучший подход к цели кодекса. Поэтому они посчитали бессмысленным разрабатывать новые определения. Выступающие напомнили, что Определение 1974 года было включено в Протокол поправок к Межамериканскому договору о взаимной помощи; это свидетельствует о том, что данное определение вошло в сферу действия договорного права и как таковое должно быть принято во внимание Комиссией. Заимствование положений, содержащихся в Определении 1974 года, было сочтено совместимым с ролью Совета Безопасности в плане определения наличия акта агрессии, поскольку в этом отношении рамки проекта кодекса ограничиваются отдельными лицами и не охватывают государства, что тем не менее не умаляет необходимости как можно более четко определить условия, при которых отдельное лицо несет ответственность за содействие агрессии со стороны государства.

88. Другие делегации отметили, что определение агрессии в проекте кодекса должно носить юридический характер, даже если оно основано на Определении 1974 года. Это Определение было охарактеризовано как чрезмерно политическое и лишенное необходимой юридической точности. Был сделан акцент на необходимость обратить внимание на уголовную ответственность отдельного лица, что отсутствует в Определении 1974 года, поскольку оно относится к агрессии государства. В соответствии с этим было высказано замечание о том, что данное Определение касается деяния, совершенного государством, и, следовательно, в нем не содержатся элементы, необходимые для преследования в судебном порядке лиц, содействовавших подготовке или совершению акта агрессии; поэтому следует предпринять дополнительные усилия для определения тех элементов, которые связаны с фактическими обстоятельствами и личностным поведением и которые в совокупности составляют наиболее тяжкие преступления против мира и безопасности человечества.

89. Что касается рамок определения, то было выражено мнение, что если Комиссия решит сохранить уголовную ответственность отдельного лица за преступление агрессии, то она, возможно, пожелает включить в сферу охвата проекта кодекса только агрессивные войны, с тем чтобы гарантировать прочную правовую основу такой ответственности. В этом контексте было подчеркнуто, что ни Определение 1974 года, ни пункт 4 статьи 2 Устава, которые использует Комиссия, не дают достаточных оснований для подготовки определения уголовного права и не отражают исторических корней преступления, связанного с ведением агрессивной войны, что и было признано после окончания второй мировой войны. Вместе с тем было также указано, что после принятия Устава и ранее разработанных документов, запрещающих войну, уже не было необходимости проводить различие между "актами агрессии" и "агрессивными войнами". Было также указано, что акты агрессии, например вторжение на территорию или ее аннексия, не просто являются противоправными актами, а представляют собой достаточно серьезные деяния, считающиеся преступлениями по проекту кодекса. Было также высказано замечание, что не следует проводить различия между актом агрессии и агрессивной войной, поскольку такой акт приводит к столь серьезным последствиям, что они угрожают миру и безопасности человечества. Подчеркивалось также, что, учитывая современные реалии, включение в проект кодекса одних только агрессивных войн недостаточно.

90. Согласно высказанному мнению, любая оценка поведения отдельного лица как совершение преступления агрессии, по-видимому, потребует предварительного определения совершения государством акта агрессии, а подобное определение неизбежно повлечет за собой далекоидущие последствия для международного мира и безопасности; поэтому возник вопрос о том, можно ли этого добиться без ссылок на ответственность Совета Безопасности. Отмечалось, что в соответствии со статьей 39 Устава Совет Безопасности несет ответственность за определение того, был ли совершен акт агрессии, а это означает, что определение Советом наличия акта агрессии является предварительным условием начала судебной процедуры, относящейся к преступлению агрессии. Внимание было также обращено на примат Устава в международном праве и на необходимость учитывать реалии международной жизни, в том числе роль и деятельность Совета Безопасности.

91. Что касается характера агрессии и определения Советом Безопасности наличия акта агрессии, то акцент был сделан на необходимости дифференцировать функции Совета и функции судебного органа при оценке уголовной ответственности отдельных лиц, поскольку Совет не обладает юрисдикцией в отношении обвиняемых. Отмечалось, что в силу своего мандата согласно Уставу Совет Безопасности должен предварительно установить акт агрессии. Вместе с тем было признано, что вмешательство политического органа может вызвать юридические и организационные трудности: успешное оспаривание такого определения может привести к вынесению судебного решения, противоречащего постановлению Совета, и к тому, что было охарактеризовано как немыслимая ситуация — могут быть выдвинуты возражения в отношении надлежащего соблюдения процессуальных норм, если обвиняемый не имел права оспорить решения Совета Безопасности; рамки предоставляемой обвиняемому защиты в этом

случае были бы резко ограничены или почти отсутствовали, особенно в тех случаях, когда обвиняемый являлся главой государства или правительства.

92. Поэтому был сделан упор на необходимости должным образом уравновесить такие факторы, как возложенная по Уставу на Совет Безопасности главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, с одной стороны, и независимость судебного органа, которому поручено рассмотреть в судебном порядке и наказать за акт агрессии — с другой. Было выражено мнение, что окончательное решение по этому вопросу должно быть принято не политическим органом, каковым является Совет Безопасности, а юридическим органом. Высказывалось предположение, что, поскольку вопрос об агрессии и роли Совета Безопасности имеет серьезные политические аспекты, возможно, было бы полезно согласовать подход Комиссии с подходом, разработанным в ходе обсуждения проекта статута международного уголовного суда. Аргументы в пользу создания международного уголовного суда как необходимого сопутствующего элемента кодекса, были расценены как особо убедительные в случае преступления агрессии.

93. Текст статьи 15, принятый Комиссией в первом чтении, был поддержан некоторыми делегациями. В ответ на утверждение, что Определение 1974 года носит политический характер, выступающие напомнили, что Международный Суд в своем решении по делу о Никарагуа недвусмысленно сослался на это Определение как на выражение обычного международного права.

94. Пункт 1 проекта статьи 15 был охарактеризован как шаг в правильном направлении, даже несмотря на то, что его формулировка могла быть усовершенствована. Было предложено исключить из текста этого пункта слова "как руководитель или организатор", поскольку предлагаемого включения в предыдущую статью двойных критериев исключительной тяжести преступления и озабоченности международного сообщества достаточно для идентификации категории отдельных лиц, способных на совершение агрессии.

95. Пункт 4 был охарактеризован как не вполне удовлетворительный. Согласно высказанному мнению, подпункты а)—g) являются излишними, и общее определение должно ограничиваться указанием составных элементов преступления, а не представлять собой исчерпывающий перечень примеров; при этом суд обязан определить, приемлемо ли данное определение в том или ином конкретном случае.

96. В связи с положениями пункта 4 h) об определении Советом Безопасности наличия акта агрессии и пункта 5, в котором говорится, что любое такое определение Совета является обязательным для национальных судов, было указано, что первое положение, как представляется, неприемлемо, потому что оно заранее навязывает судебному органу, а именно суду, решение, принятое политическим органом, то есть Советом Безопасности, особенно если первое положение рассматривать в увязке со вторым.

97. В отношении пункта 5 также было выражено мнение, что роль Совета Безопасности в определении наличия акта агрессии требует дополнительного изучения. Было отмечено, что, хотя определение Совета по этому вопросу должно быть обязательным для национальных судов, не следует придерживаться обратного порядка: национальный суд не должен быть лишен возможности — в отсутствие соответствующего определения Совета Безопасности — решать вопрос о том, был ли совершен акт агрессии, поскольку это не отвечало бы интересам правосудия и в отдельных случаях могло бы рассматриваться как предоставление возможности определять ход правосудия из политических соображений. Указывалось также, что необходимо провести различие между ролью Совета Безопасности в области материального права и в отношении процедуры международного уголовного суда; что цель проекта кодекса заключается в кодификации материального права, особенно применительно к определению преступного поведения отдельных лиц; и что преступление агрессии необходимо рассматривать исключительно в международном суде — что означает исключение пункта 5. Было указано, что это положение противоречит принципам разделения полномочий и независимости суда, поскольку позволяет такому политическому органу, как Совет Безопасности, путем вынесения вето препятствовать регулярной деятельности судебного органа. Отмечалось, что пункт 5 по своему характеру отличается от пункта 2 статьи 23 проекта статута международного уголовного суда, в котором оговаривается, что обращение, непосредственно относящееся к акту агрессии, не может рассматриваться в соответствии с положениями статута, если Совет Безопасности сначала не определил, что акт агрессии, являющийся предметом обращения, совершило государство; последнее положение было расценено как имеющее чисто процедурный характер и не относящееся к определению акта агрессии.

98. В отношении пункта 6 было высказано замечание, что подобная защитительная оговорка потребовала бы длительного определения масштаба преступления и позволила бы должным образом учесть обе ситуации, упомянутые в пункте 75 доклада Комиссии: "сокращение числа ситуаций, определяемых как внутренние дела", и "появление ситуаций, в частности затрагивающих права человека, в которых исключение внутренней юрисдикции не допускается законом".

99. Было предложено сохранить пункт 7.

100. Некоторые делегации с удовлетворением отметили усилия Специального докладчика представить новый текст для статьи 15, который придал бы концепции агрессии рабочую структуру и предусмотрел бы ее определение в контексте уголовного права.

101. Предложенное новое определение было расценено как точное и удовлетворительное, несмотря на утверждения, что оно является слишком общим для целей уголовного права. Было высказано замечание, что одна из целей кодекса состоит в разработке четких определений, которые не только отражают современные нормы международного права, но и демонстрируют ту строгость, которая необходима в соответствии с уголовным правом. В этой связи крайне упрощенное определение агрессии было расценено как позитивное достижение,

свидетельствующее о том, что можно определить агрессию с помощью правовых терминов, даже если требуется дополнительная ясность и точность.

102. В отношении нового варианта пункта 1 было высказано мнение, что стилистическое совершенствование определения должно быть отражено в пункте 1 статей 21, 22, 24 и 25, с целью обеспечить последовательность. Вместе с тем было отмечено, что в новом варианте, в отличие от предыдущего, не упоминаются отдельные лица, которые сами совершают акты агрессии. Было также обращено внимание на необходимость подчеркнуть те аспекты, которые позволяют приписать преступления какому-либо отдельному лицу, в том числе действующему от имени государства.

103. Пункт 2, в основе которого лежат положения пункта 4 статьи 2 Устава, был расценен как содержащий надлежащее основное определение агрессии, которое отражает *jus cogens*, и выражающий с необходимой точностью то, что представляет собой агрессию, а именно материальное использование вооруженной силы каким-либо государством против другого государства; при этом отпадает необходимость какой-либо дополнительной ссылки на "акт агрессии в соответствии с международным правом". В этом контексте было выражено мнение, что любое применение силы против территориальной целостности или политической независимости любого государства может быть приравнено к агрессии.

104. Отмечая, что новый текст пункта 2 отражает установившиеся формулировки, некоторые делегации сочли эти формулировки излишне туманными и двусмысленными применительно к целям уголовного права, неоправданно широкими и потенциально учитывающими даже незначительные случаи вторжения или нарушения территориальной целостности. Они посчитали неверным приравнивать любое применение силы против территориальной целостности или политической независимости какого-либо государства к акту агрессии в соответствии со статьей 39 Устава, а также отметили, что определенные случаи вторжения без разрешения пострадавшего государства могут быть необходимыми для ведения небоевых операций по эвакуации, освобождению заложников или демонстрации прав на судоходство либо пролет в соответствии с международным правом, которые не являются преступными действиями. Поэтому было предложено сопроводить изложенное в пункте 2 определение перечнем конкретных актов агрессии. Было также предложено включить в окончательный текст некоторые элементы Определения 1974 года, отраженные в других документах, таких как Протокол поправок к Межамериканскому договору о взаимной помощи. Было также обращено внимание на ранее внесенное предложение, касающееся последствий агрессии, а именно незаконной оккупации, аннексии или присоединения, которое гласило: "Сознательное неуважение обязательных решений Совета Безопасности, направленных на то, чтобы положить конец акту агрессии и ликвидировать его незаконные последствия, является преступлением против мира".

105. Исключение из предлагаемого нового текста остальных пунктов статьи 15, принятой в первом чтении, было охарактеризовано как шаг вперед с учетом исключения этих пунктов из

Определения 1974 года, которое считалось скорее руководящим указанием для политических органов Организации Объединенных Наций, чем основой для введения процедуры уголовного судопроизводства в судебных органах.

106. С другой стороны, аргументы, приведенные в поддержку исключения пунктов Определения 1974 года, были расценены как неубедительные. Было выражено мнение, что в новом определении отсутствуют правовые элементы, которые отличают агрессию от других актов, и оно является слишком кратким и общим по своему характеру. Как было заявлено, перечень актов агрессии, содержащийся в пункте 4 статьи 15 и принятый в первом чтении, мог бы помочь разъяснить принцип, содержащийся в пункте 2. Предложено добавить неполный перечень случаев агрессии, по возможности основанный на отдельных пунктах Определения 1974 года. Было также высказано замечание, что согласно новому варианту статьи 15 такие действия, как бомбардировка территории государства, блокада его портов и побережья или нападение на его вооруженные силы, не являются агрессией, если они санкционированы Советом Безопасности в соответствии с главой VII Устава Организации Объединенных Наций.

107. Исключение пунктов 4 h) и 5, в которых речь идет о Совете Безопасности, было расценено как приемлемое, поскольку политический орган не должен препятствовать деятельности судебного органа. Новый текст был расценен как приемлемый в том смысле, что в нем не содержится обращенное к Совету Безопасности требование принимать решение о существовании преступления. В этой связи подчеркивалось, что ни один из правовых принципов не дает Совету Безопасности права вмешиваться в международное уголовное судопроизводство и что решение Совета Безопасности не является, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, обязательным для Международного Суда, поскольку решения Совета не имеют приоритета над международными соглашениями. Было также отмечено, что Комиссия не должна кодифицировать какую-либо негалитарную систему, которая может существовать в отношении Совета Безопасности.

108. Была высказана и противоположная точка зрения, согласно которой такое определение должно быть более жестким в отношении роли Совета Безопасности. Были высказаны критические замечания по поводу нового предложенного текста, в связи с тем что в нем нет ссылки на соответствующие положения Устава о решающей роли Совета Безопасности в определении агрессии; это означает, что судебные власти могут посчитать какое-либо деяние актом агрессии и, следовательно, преступлением против мира и безопасности человечества, а Совет Безопасности, который по Уставу несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, может не согласиться с этим. Было высказано мнение, что в решении этого вопроса можно было бы гораздо быстрее достичь прогресса, если бы Комиссия считала агрессией любой акт, квалифицированный в качестве такового Советом Безопасности, а не стремилась определить данное явление.

Статья 16. Угроза агрессией

109. Некоторые делегации поддержали предложение Специального докладчика об исключении статьи об угрозе агрессией: эта концепция, по их мнению, не получила удовлетворительного определения, лишена четкости и точности, как того требует уголовное право. Было также выражено мнение, что хотя и логично возлагать ответственность на отдельных лиц, которые привели государство к совершению агрессии — возможно, наиболее серьезный пример противоправного поведения со стороны государства, — вряд ли нужно применять аналогичный критерий к угрозе агрессией. Было высказано предположение, что угроза агрессией, возможно, может быть включена в статьи об агрессии или терроризме.

110. Однако другие делегации высказались за сохранение статьи 16, подчеркнув необходимость обеспечить соответствие рассматриваемого в ней поведения современным потребностям и законной обеспокоенности международного сообщества в отношении угроз агрессией, запретить угрозу силой согласно пункту 4 статьи 2 Устава и усилить роль Совета Безопасности в определении наличия угроз миру и реагировании на них согласно статье 39 Устава. Было высказано замечание, что последнее положение конкретно относится "к любой угрозе миру", тем самым устанавливая норму для вмешательства Совета Безопасности; что если любая угроза миру может быть предметом действий Совета Безопасности в соответствии с Уставом, то угроза агрессией также может быть предметом действий Совета; и что планирование и подготовка военных действий в конечном счете ведут к актам агрессии. Было также выражено мнение, что необходимо сохранить концепцию угрозы агрессией в проекте кодекса, поскольку запрещение агрессии и угрозы агрессией является нормой международного права, носящей характер *jus cogens* и учитывающей, что данная концепция создает не больше трудностей, чем концепции попытки, подстрекательства и соучастия.

Статья 17. Вмешательство

111. Некоторые делегации высказались за исключение статьи 17 на том основании, что содержащееся в ней определение вмешательства является расплывчатым и лишено четкости и точности, необходимых в соответствии с уголовным правом, и может создать трудности в ее применении, особенно в отношении доказательств. Было сделано замечание, что вмешательство может быть вооруженным, и тогда оно будет подпадать под статью об агрессии, или невооруженным, и тогда оно будет включать в себя различные акты, которые трудно четко определить по многим причинам, одной из которых является тот факт, что в соответствии с новыми нормами международного права не каждый акт вмешательства является незаконным. В этой связи была сделана ссылка на область прав человека. Было дополнительно отмечено, что выступление против включения концепции вмешательства в кодекс не означает неуважения принципа невмешательства, который представляет собой один из фундаментальных принципов международного права.

112. Другие делегации пришли к выводу, что положение о вмешательстве можно включить в статью об агрессии как элемент, который необходимо учитывать при определении факта совершения агрессии, или в статью о терроризме, имея в виду, что наиболее явным современным проявлением вмешательства является подрывная террористическая деятельность, предусмотренная в статье 24. Выступающие напомнили о том, что невмешательство признается в качестве фундаментального принципа международного права в международных документах, в практике Международного Суда и в резолюциях Генеральной Ассамблеи.

113. По мнению других делегаций, имеются достаточные основания, для того чтобы посвятить статью кодекса вмешательству, и они охарактеризовали предлагаемое исключение статьи 17 как ненужное и преждевременное. Было выражено мнение, что, хотя вмешательство и не является международным преступлением с точки зрения *lex lata*, его не следует сбрасывать со счетов как возможное международное преступление в плане прогрессивного развития международного права, особенно в связи с тем, что отдельные лица, прибегнувшие к вмешательству, сделали это, пользуясь защитой государства. Было также высказано замечание, что невмешательство — естественное следствие принципа суверенного равенства государств — было квалифицировано в качестве фундаментального принципа международного права Международным Судом, который в своем решении по делу о Никарагуа постановил, что государства имеют суверенное право выбирать свою политическую, экономическую, социальную и культурную систему и что вмешательство является незаконным, когда с целью помешать такому выбору используются принудительные меры, например эмбарго или разрыв экономических и торговых отношений. Это определение вмешательства, как было отмечено, вряд ли можно считать неясным.

Статья 18. Колониальное господство и другие формы иностранного господства

114. Некоторые делегации поддержали предложение Специального докладчика об исключении статьи 18 на том основании, что колониализм уже ликвидирован и что колониальное господство, а также другие формы иностранного господства не были определены с необходимой степенью точности. Было отмечено, что подобные отвратительные и неприемлемые явления ушли, к счастью, в прошлое. Было также указано, что, хотя колониальное господство является политическим фактом, по-существу было бы невозможно указать точное действие, за которое отдельных лиц можно привлечь к ответственности. Несмотря на поддержку мотивов, обусловивших рассмотрение Комиссией вопроса о включении статьи о колониальном господстве, сохранение подобной статьи было бы расценено как нереалистичное решение, которое снизило бы шансы принятия кодекса.

115. Другие делегации выразили противоположное мнение; была высказана озабоченность по поводу того, что исключение из текста упоминания о колониализме и других формах иностранного господства на том основании, что они остались в прошлом, сопряжено с огромным риском. Было также отмечено, что с принятием в 1960 году Генеральной Ассамблеей

Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам подобные преступления относятся к сфере *jus cogens*. Поэтому Комиссия призвала изучить мнение членов Комитета и вновь рассмотреть вопрос о включении статьи 18.

Статья 19. Геноцид

116. Геноцид относится к числу тех предложенных для включения в кодекс преступлений, определение которых наименее проблематично. Многие делегации поддержали идею сохранить его в проекте, при этом некоторые указали, что это преступление, безусловно, соответствует критериям, необходимым для сохранения его в проекте кодекса.

117. Определение преступления геноцида также было расценено как вызывающее меньше всего технических вопросов. Было отмечено, что если действующий договор, например Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Конвенция о геноциде), устанавливает, что некоторые акты являются преступлениями против мира и безопасности человечества, то Комиссии достаточно просто включать такие положения в кодекс. Была подчеркнута желательность ссылки на соответствующие договоры, например на Конвенцию о геноциде, при определении преступлений, которые надлежит включить в проект.

118. Некоторые делегации согласились со Специальным докладчиком в том, что определение геноцида должно быть основано на определении, содержащемся в Конвенции о геноциде, при том что эта Конвенция должна быть единственной основой определения, подлежащего включению в кодекс. Считается, что данная Конвенция содержит четкое определение, которое является достаточным для целей настоящего доклада, широко признается международным сообществом и отражает обычное международное право. Отмечалось, что Международный Суд в своем консультативном заключении в 1951 году заявил, что положения Конвенции о геноциде являются частью обычного международного права и что целесообразно согласовать определение геноцида с этими положениями. Было также отмечено, что в проекте статута международного уголовного суда предусмотрено значительное различие между геноцидом по договорному праву, в соответствии с которым была дана первоначальная формулировка, и геноцидом как международным преступлением по общему международному праву и что геноцид, несомненно, является международным преступлением, независимо от того, учтено ли это в кодексе.

119. Некоторые делегации также одобрили новый текст статьи 19, предложенный Специальным докладчиком и включающий понятия "подстрекательство", "соучастие" и "попытка". Было высказано замечание, что предлагаемая новая статья 19 приблизилась к охвату всех деяний, подлежащих наказанию в соответствии с Конвенцией о геноциде, включая акты прямого или публичного подстрекательства к совершению геноцида, и что рамки ее текста необходимо расширить с целью предусмотреть соучастие в геноциде, для того чтобы обеспечить ее полное соответствие статье 19 Конвенции о геноциде. Было также отмечено, что предлагаемые изменения приближают текст к формулировкам, использованным в статуте

Международного трибунала для бывшей Югославии и статуте Международного трибунала для Руанды. Согласно высказанному в этой связи мнению, изменение статьи 19 с целью включить в нее подстрекательство к совершению геноцида и попытку совершения геноцида оправдано крайней тяжестью такого преступления.

120. С другой стороны, было отмечено, что определения геноцида и других соответствующих преступлений необходимо тщательно изучить, прежде чем включать в проект кодекса. Предлагалось проработать определение преступления геноцида с учетом мнений различных стран. Было обращено внимание на озабоченность членов Специального комитета по созданию международного уголовного суда в связи с отсутствием защиты, предоставляемой Конвенцией о геноциде политическим и социальным группам; при этом было указано, что вопрос, вызывающий озабоченность членов Комитета, будет внимательно рассмотрен, если деяния, совершаемые против членов таких групп, например систематическая кампания убийств, можно рассматривать как преступления против человечества. Поступило также предложение о том, чтобы вопросы, затронутые правительствами в их письменных комментариях, были в основном рассмотрены в пояснительных заявлениях.

121. Выступающий напомнил о том, что статья IX Конвенции о геноциде предусматривает обязательную юрисдикцию Международного Суда в случае возникновения споров между договаривающимися сторонами в отношении ответственности того или иного государства за геноцид. Эта статья была расценена как уместное напоминание о необходимости предусмотреть обязательное урегулирование споров при содействии третьей стороны во всех многосторонних нормотворческих конвенциях. Учитывая серьезность преступления геноцида, было выражено мнение о целесообразности включения в проект кодекса положения, аналогичного статье IX Конвенции о геноциде, в соответствии с которым будущему международному уголовному суду предоставлялась бы обязательная юрисдикция в отношении преступлений геноцида.

Статья 20. Апартеид

122. Некоторые делегации, учитывая исторические факты, предложили заменить существующее понятие апартеида более широким понятием, таким как "институционализированная расовая дискриминация", с тем чтобы обеспечить более полный охват всех форм институционализированного расизма, столь же тяжкого по своему характеру, как апартеид. Отмечалось, что запрещение и осуждение апартеида остаются действенным принципом международного права; что в результате политических изменений в Южной Африке апартеид уже не соответствует необходимым для включения в проект кодекса критериям; что мир, тем не менее, еще не освободился от институционализированной расовой или этнической дискриминации; и что в кодексе необходимо рассматривать подобные действия как массовые и систематические нарушения прав человека, чтобы воспрепятствовать продолжению такой практики или появлению ее в других условиях. Аналогичным образом было отмечено, что конец режима апартеида не означает исчезновения расизма и

дискриминации, что кодекс должен содержать положение, классифицирующее как преступления любые действия подобного характера, осуществляемые лицами при исполнении своих служебных функций на основании правовых норм, и что целесообразно предусмотреть в статье 21 ссылку на "институционализацию расовой дискриминации".

123. Однако другие делегации высказались за сохранение в проекте кодекса преступления апартеида с учетом возможности появления вновь такого преступления. По их мнению, исключение этого преступления на основании того, что оно в настоящее время представляет лишь исторический интерес, чревато большой опасностью. Согласно еще одному мнению, серьезность последствий апартеида, воздействие которого по-прежнему испытывает сегодня большинство населения Южной Африки, создает юридическую основу для включения статьи 20. Был затронут и вопрос о том, что апартеид не заслуживает включения в кодекс, поскольку рамки его действия территориально ограничены; такое утверждение основано на зыбких аргументах, поскольку влияние апартеида распространилось далеко за пределы Южной Африки и оказало разрушающее воздействие на страны и народы южной части Африки. Как было заявлено, определенные действия и политика, независимо от временных или территориальных рамок их осуществления, с правовой точки зрения имеют прямое отношение к целям разработки кодекса, поскольку они по своей сути и в силу чрезвычайной опасности последствий угрожают миру и безопасности человечества, и потому исключение преступления апартеида из перечня преступлений было бы плохой услугой будущим поколениям. Было также заявлено, что, хотя распространение преступления апартеида первоначально ограничивалось Южной Африкой, а причины его уже устранены, это преступление как таковое не исчезло, и действия и политику, лежащие в основе апартеида, необходимо рассматривать как международные преступления.

124. Комитет настоятельно просили не соглашаться с содержащимся в докладе Комиссии предложением принять компромиссное решение об исключении апартеида из кодекса, а вместо этого заняться рассмотрением ситуаций, связанных с институционализированной расовой дискриминацией как систематическими нарушениями прав человека. Было высказано мнение, что нельзя обосновать предоставление преступлению апартеида вторичного статуса, учитывая резолюции Совета Безопасности, квалифицирующие апартеид как угрозу международному миру и безопасности; резолюции Генеральной Ассамблеи, осуждающие политику и практику апартеида как преступления против человечества; а также Международную конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказании за него, которую ратифицировали или к которой присоединились 99 государств. Было предложено включить преступление апартеида в перечень "наиболее тяжких преступлений", одновременно расширив это определение с целью учета в нем институционализированной расовой дискриминации. В этой связи было высказано замечание, что явление расовой дискриминации в его исторической форме является прообразом геноцида, поэтому исключение этого деяния из перечня преступлений может ослабить правовую защиту от этого вида преступлений и что в силу своего характера расовая дискриминация всегда находит систематическую поддержку со стороны государства или организаций.

Статья 21. Систематические и массовые нарушения прав человека

125. Было выражено мнение о необходимости более тщательного изучения вопроса целесообразности включения в кодекс положения о систематических и массовых нарушениях прав человека или о преступлениях против человечества. Определение преступления, связанного с систематическими и массовыми нарушениями прав человека, порождает немало проблем. Было предложено доработать нынешнее определение, с тем чтобы избежать любой неясности при его применении на практике, а также предусмотреть в этом определении объективные критерии, позволяющие исключить любое сомнение в том, когда именно было совершено такого рода преступление. Была выражена озабоченность по поводу того, что в случае использования определения, содержащегося в проекте, который был принят в первом чтении, многие деяния, которые не имеют серьезных последствий для мира и могли бы рассматриваться национальными судами, будут включены в кодекс.

126. Некоторые делегации приветствовали новый, предложенный Специальным докладчиком, вариант статьи 21, который был оценен как шаг вперед и который приемлем для всех. Вместе с тем было отмечено, что выражение "на систематической основе или в массовом масштабе", которое содержится в тексте статьи 21, принятой в первом чтении, было исключено из нового варианта этой статьи, хотя во втором ее пункте говорится, что "под преступлением против человечества понимается факт систематического совершения одного из следующих деяний". Было предложено более четко выделить тяжкий и массовый характер этих преступлений в комментарии к статье. Было также выражено мнение, что первоначальное намерение перегруппировать преступления против человечества, признаваемые обычным правом на основе Устава Нюрнбергского трибунала, который может применяться только по отношению к преступлениям, совершенным во время войны, и преступления, связанные с систематическими и массовыми нарушениями прав человека, представляет собой попытку продолжить работу по прогрессивному развитию международного права. Тем не менее было обращено внимание на статуты международных трибуналов для бывшей Югославии и Руанды и проект статута международного уголовного суда, в которых преступления против человечества квалифицировались в соответствии с обычным правом в его первоначальном смысле, то есть на основе Устава Нюрнбергского трибунала.

127. Некоторые делегации одобрили предложение Специального докладчика изменить заголовок статьи, гласивший "Систематические и массовые нарушения прав человека", на заголовок "Преступления против человечества". Внимание было обращено на использование этого последнего термина как в публичном международном праве, так и во внутреннем праве, а также на вспомогательную правовую доктрину и прецеденты, включая уголовное законодательство и уголовные кодексы различных стран, юридические нормы и Устав Нюрнбергского трибунала, и на статуты специальных международных трибуналов. Было также выражено мнение, что определения преступлений, перечисленные в статье 21, принятой в первом чтении, ошибочно приписывают отдельным лицам способность нарушать права человека. В Шестом комитете широкое признание получило положение, согласно которому

именно государства обязаны уважать и защищать права человека, и члены Комитета безусловно признали, что только государства могут нарушать такие права. Отдельные лица могут совершать только преступления, нарушающие уголовное право. Если же такие преступления совершаются систематически или носят массовый характер и являются настолько серьезными, что затрагивают все международное сообщество, то их вполне можно было бы квалифицировать как преступления против человечества. Новое название статьи было сочтено более точным и устраняющим любые сомнения относительно того, когда заканчивается юрисдикция национальных судов и начинается юрисдикция международного суда. Этой формулировке было отдано предпочтение не только потому, что она снимает вопрос о масштабах подобных преступлений, но и потому, что она позволяет рассматривать действия, связанные с насильственным исчезновением лиц, как международное преступление. Хотя новое название было расценено как успех, одновременно было указано, что массовый и систематический характер таких преступлений должен быть отражен в названии статьи или особо упомянут в определении; было также предложено специально ограничить эту концепцию преступлениями, совершенными в период вооруженного конфликта или умышленно направленными против гражданского населения.

128. С другой стороны, некоторые делегации отдали предпочтение прежнему названию, которое рассматривалось ими как более точное, чем предложенное Специальным докладчиком. В поддержку первого варианта было заявлено, что другие включенные в кодекс преступления, особенно геноцид и военные преступления, также можно рассматривать как преступления против человечества, и что новое название может вызвать путаницу, поскольку все преступления, определенные в кодексе, являются преступлениями такого рода. Было также указано, что ссылка на систематические и массовые нарушения прав человека преследует цель подчеркнуть серьезность такого преступления. В то же время было отмечено, что предложение включить в статью 1 обе концепции квалификации деяния — исключительная тяжесть преступления и озабоченность международного сообщества — способствовало бы исключению из названия термина "массовые".

129. Ряд делегаций высказали свои замечания относительно общего критерия, которому должны соответствовать преступления для их включения в сферу действия статьи 21. Согласно высказанному мнению, важно отметить, что в статье рассматриваются массовые и систематические нарушения, поскольку идея их квалификации заключается в том, что нарушения представляют собой международные преступления, когда они осуществляются в определенных масштабах. Комиссии было предложено рассмотреть в качестве основного вопрос о пороге или моменте, при котором нарушение, обычно подпадающее под внутреннюю юрисдикцию, становится предметом озабоченности международного сообщества — проблемой, которая усугубляется отсутствием какого-либо общего согласия на международном уровне, а также отсутствием консенсуса в отношении применимых стандартов; недостаточным пониманием условий, в которых совершаются такие нарушения; и отсутствием надежных и беспристрастных механизмов установления фактов. Далее указывалось, что не следует включать в кодекс любую форму преступного поведения в качестве преступления, если оно не

угрожает и, по всей вероятности, не будет угрожать миру и безопасности человечества. Еще одно замечание состояло в том, что для вынесения международным уголовным судом решения о наказании деяния, связанного с нарушением прав человека, необходимо доказать не только то, что они осуществлялись систематически и в массовом масштабе, но и то, что они носили исключительно серьезный характер.

130. Было отмечено, что при разработке Нюрнбергских принципов Комиссия утверждала, что любое деяние, которое рассматривается как преступление против человечества, должно быть совершено в ходе или в связи с любым преступлением против мира или любым военным преступлением. Был затронут вопрос о том, желает ли Комиссия сохранить это ограничение или полагает, что данная концепция эволюционировала за последние 50 лет и категория преступлений против человечества квалифицируется независимо от других деяний. Было высказано мнение, что в соответствии с обычным международным правом нет необходимости увязывать преступления против человечества с вооруженным конфликтом и что преступления против человечества могут совершаться и в мирное время. По аналогии с этим было указано, что серьезные преступления против гражданского населения, которые регулярно и систематически совершаются в мирное время, могут угрожать миру и, следовательно, международному миру и безопасности и поэтому должны быть включены в перечень преступлений против человечества. Предлагалось включить в перечень преступлений деяния, совершенные не в ходе вооруженного конфликта. Однако в соответствии с другой точкой зрения, предпочтительнее рассматривать только преступления, совершенные в период вооруженного конфликта и сознательно направленные против гражданского населения. Отмечалось, что преступления против человечества обычно происходят в период войн и вооруженных конфликтов и что отсутствуют достаточные основания для соотнесения их с периодами мира.

131. В отношении первого пункта было выражено мнение, что его текст должен прежде всего охватывать самые серьезные нарушения прав человека, например преднамеренное убийство, пытки и насильственные исчезновения, при условии, что такие акты совершаются отдельными лицами, выступающими в качестве агентов или представителей какого-либо государства или действующими с его разрешения или поддержки. Было указано, что в подобных случаях серьезность преступления будет проистекать именно из того факта, что преступник пользовался защитой или имел санкцию государства. Вместе с тем было также отмечено, что, хотя до настоящего времени внимание сосредоточивалось главным образом на взаимоотношениях между государственными органами власти и гражданами применительно к правам человека, тем не менее совершенно очевидно, что права человека могут нарушаться не только властями, но и другими группами общества, например террористами, и что пришло время изучить данный вопрос. Как было заявлено, фактически подготовлен тщательно проработанный комплекс правовых норм, которые предусматривают возможность включения террористических актов в категорию преступлений против человечества, при этом делается соответствующая ссылка на статут Международного трибунала для Руанды. Было поддержано

предложение Специального докладчика о том, чтобы террористические акты считались преступлениями против человечества. Было отмечено, что круг потенциальных преступников не должен ограничиваться агентами или представителями государства и что формулировку этого положения следовало бы изменить с целью включить в него деяния, совершенные тем или иным отдельным лицом; при этом можно было бы исключить выражение "как агент или представитель какого-либо государства или как отдельное лицо".

132. В отношении второго пункта было отмечено, что перечень деяний, составляющих преступления против человечества, является приемлемым. Было также указано, что все деяния, о которых идет речь в этом пункте, были взяты из Устава Нюрнбергского трибунала и широко признаются всеми.

133. В отношении второго подпункта было заявлено, что в категорию систематических и массовых нарушений прав человека должны входить только самые серьезные преступления, включая пытки и насильственные исчезновения. Было также отмечено, что введение смертной казни или меры по превентивному задержанию, предусмотренные в законодательстве демократического государства, не следует считать подпадающими под сферу действия второго подпункта. Были также высказаны сомнения относительно необходимости включать пытки в перечень преступлений, а также предложено включить в комментарий, в статью или в раздел, посвященный толкованию терминов, перечень преступлений, имеющий описательный характер.

134. Относительно третьего подпункта указывалось, что в тексте также необходимо упомянуть о случаях установления или сохранения в отношении тех или иных лиц такого статуса, как содержание в рабстве, подневольном состоянии, или о случаях принудительного труда, а также о институционализации расовой дискриминации. Некоторые делегации пришли к выводу, что разрыв, возникший в результате исключения апартеида из перечня преступлений, должен быть заполнен включением в третий подпункт ссылки на "институционализацию расовой дискриминации" либо "институционализованную расовую или этническую дискриминацию".

135. В связи с четвертым подпунктом говорилось о нецелесообразности просто ссылаться на "преследование" как на преступление без определения условий, при которых акт преследования стал преступлением против человечества. Поэтому предпочтительно сослаться на "преследование по социальным, политическим, расовым, религиозным или культурным соображениям".

136. Что касается пятого подпункта, то некоторые делегации одобрили предложение Специального докладчика о сохранении в тексте упоминания об акте депортации или принудительного перемещения населения, то есть положения статьи, принятой в первом чтении. Некоторые делегации также предложили применять данное положение к депортации или принудительному перемещению населения по социальным, политическим, расовым,

религиозным или культурным соображениям, что представляет собой нарушение Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах; такие действия должны квалифицироваться как преступление. Оккупация территорий, создание поселений, а также выселение и преследование коренного населения были названы в качестве дополнительных, характерных для современности примеров грубого нарушения прав человека. Вместе с тем было указано, что некоторые случаи недобровольного перемещения населения являются юридически приемлемыми, например, когда это обосновывается соображениями медицинского характера или экономического развития страны, либо когда они имеют место в целях защиты населения от военного нападения.

137. Что касается шестого подпункта, то некоторые делегации выразили озабоченность в связи с использованием выражения "все другие бесчеловечные деяния", которое они расценили как слишком расплывчатое и неопределенное, чтобы быть включенным в уголовный кодекс. Было высказано замечание относительно того, что ссылка общего характера "размывает" точный и вполне определенный смысл данной статьи. Было также заявлено, что выражение "все другие бесчеловечные деяния", помимо характерной для нее чрезмерной расплывчатости и гибкости, в известной степени определяется географическими соображениями, поскольку в различных районах мира наблюдается разное отношение к тому, какие акты считать бесчеловечными.

138. По мнению некоторых делегаций, практика недобровольных или насильственных исчезновений должна быть особо упомянута в статье 21. Указывалось, что подобная практика вызывает большую гуманитарную озабоченность во многих районах мира. Внимание было обращено на решение, принятое в 1987 году Межамериканским судом по правам человека по делу Веласкеса Родригеса, когда насильственные исчезновения ряда лиц были расценены как грубое нарушение прав человека, влекущее за собой международную ответственность государства. Хотя Суд и не квалифицировал деяния, связанные с подобными исчезновениями, как международное преступление, было сочтено целесообразным подробно изучить эту тему в контексте прогрессивного развития международного права. В то же время было признано, что такой практике трудно дать определение, поскольку оно основывается на информации, в отношении которой невозможно представить доказательства. Было высказано предположение, что в этом случае ориентиром могли бы служить определения понятия насильственного исчезновения, содержащиеся в резолюции 47/133 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года или в Межамериканской конвенции о насильственном исчезновении лиц 1994 года, согласно которой насильственное исчезновение представляет собой лишение свободы одного или нескольких человек, совершенное агентами государства или лицами, которые действуют с санкции или при поддержке государства, и при этом отсутствует какая-либо информация или отрицается факт лишения свободы или же не сообщается информация о местонахождении исчезнувшего человека.

Статья 22. Исключительно серьезные военные преступления

139. Включение военных преступлений в проект кодекса было сочтено вполне оправданным. Было выражено мнение, что следует включать только самые серьезные военные преступления, проводя различие между всеми случаями, предусмотренными в Женевских конвенциях 1949 года, и теми случаями, которые представляют собой серьезные нарушения, делая при этом оговорку в отношении Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям. Была также высказана точка зрения о том, что соответствующее положение должно иметь узкие и четко определенные рамки и не должно касаться ситуаций, возникающих в результате внутреннего конфликта, поскольку в кодексе рассматриваются преступления, затрагивающие международный мир и безопасность.

140. С другой стороны, было выражено сожаление по поводу того, что Специальный докладчик не склонен рассматривать Протоколы 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года как часть позитивного международного права. Было сделано напоминание о том, что более двух третей государств мира являются участниками этих Протоколов, что свидетельствует об общепринятой практике. В поддержку предложения о расширении рамок статьи 22, с тем чтобы включить в нее внутренние вооруженные конфликты, было сказано, что, хотя понятие серьезных нарушений Женевских конвенций безусловно относится лишь к действиям, совершенным в ходе международных вооруженных конфликтов, исключение из статьи внутренних вооруженных конфликтов было бы серьезным упущением, учитывая число такого рода конфликтов в последние годы. Также было поддержано предложение рассматривать акты крайней жестокости, совершенные в пределах национальных границ, как международные преступления, и при этом было отмечено, что события в бывшей Югославии и Руанде выявили необходимость серьезного изучения уголовных аспектов международного гуманитарного права, применимого к вооруженным конфликтам, не носящим международного характера, учитывая тот факт, что подобные конфликты, по-видимому, происходят гораздо чаще, чем международные вооруженные конфликты. В связи с доводом о том, что до настоящего времени считалось общепризнанным, что ни статья 3, общая для Женевских конвенций, ни Дополнительный протокол II к этим Конвенциям, которые не содержат положений о серьезных преступлениях, не могут служить основой всеобщей юрисдикции, внимание было обращено на статью 4 статута Международного трибунала для Руанды, где четко отражены оба положения, что опровергает этот довод, не являющийся вполне убедительным с юридической точки зрения, и восполняет, по крайней мере в данном случае, одно из основных упущений международного права. Было предложено учитывать данный прецедент при подготовке проекта кодекса.

141. Определение военных преступлений, содержащееся в статье 22, было расценено как отвечающее сложившейся международной практике. Вместе с тем, было также выражено мнение о том, что необходимо проделать еще более серьезную работу над определением военных преступлений с учетом замечаний и позиций государств, а также законов и обычаев, действующих в период вооруженного конфликта. Было высказано предположение, что

Женевские конвенции 1949 года могут служить в качестве надлежащего руководства, при условии возможного обновления некоторых критериев на основе статута Международного трибунала для бывшей Югославии. Некоторые делегации конкретно указали, что такое определение должно быть основано как на Женевских конвенциях 1949 года, так и на статутах международных трибуналов для бывшей Югославии и для Руанды.

142. Новая статья 22, предложенная Специальным докладчиком, была охарактеризована как крупный шаг вперед, позволяющий значительно улучшить определение военных преступлений. Было также отмечено, что новый вариант лучше составлен с концептуальной точки зрения и в большей степени согласуется со статутами двух специальных международных трибуналов и проектом статута предлагаемого международного уголовного суда.

143. В более конкретном плане было указано, что в новом варианте название было заменено на "Военные преступления" и внесены некоторые изменения по существу на основе вывода Специального докладчика о том, что остаются в силе оговорки в отношении нового понятия "исключительно серьезные военные преступления", и что на практике трудно провести четкое разграничение между "серьезными нарушениями", о чем идет речь в Женевских конвенциях 1949 года и Дополнительном протоколе I, и "исключительно серьезными нарушениями", о которых говорится в настоящей статье в том виде, в каком она была принята в первом чтении. Некоторые делегации одобрили предложение Специального докладчика об изменении названия статьи 22 "Исключительно серьезные военные преступления" на "Военные преступления". Было также сочтено более предпочтительным использовать термин "военные преступления" вместо термина "исключительно серьезные военные преступления", поскольку он охватывает большее число случаев. Вместе с тем было также отмечено, что военные преступления не обязательно следует приравнивать к преступлениям против мира и безопасности человечества и что в кодексе желательно предусмотреть только наиболее серьезные военные преступления. Кроме того, было высказано предположение, что добавление общих критериев исключительной серьезности и международной озабоченности в связи с преступлениями, перечисленными в кодексе, сделает излишним использование формулировки "исключительно серьезные".

144. Что касается вступительного пункта статьи 22, то были вновь повторены оговорки, высказанные относительно нового понятия исключительно серьезных военных преступлений. Было также предложено изъять слова "исключительно серьезные".

145. В отношении пункта 1 некоторые делегации поддержали ссылку на Женевские конвенции 1949 года. Было признано целесообразным определять военные преступления как "серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 года". Ссылка на Женевские конвенции была сочтена более предпочтительной, чем упоминание "международного гуманитарного права" — которое было охарактеризовано как туманное и весьма общее, — несмотря на опасность того, что новый текст можно было бы толковать в том смысле, что наказание за исключительно серьезные военные преступления зависит от того, являются ли указанные государства

участниками Женевских конвенций. С другой стороны, ссылка на серьезные нарушения Женевских конвенций рассматривалась как излишне ограничительная, поскольку она не учитывает Дополнительный протокол I и, что более важно, не относится к государствам, которые не являются участниками Женевских конвенций, но тем не менее связаны нормами обычного международного права, применимыми при вооруженном конфликте. Была подчеркнута необходимость упомянуть, помимо Женевских конвенций, Дополнительные протоколы I и II или, по крайней мере, общую статью 3 Женевских конвенций. Вместе с тем, были высказаны возражения против упоминания других международных документов, в частности Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, на том основании, что, поскольку данный Протокол носит традиционно общий характер и в публичном международном праве обладает лишь ограниченным обычным значением, включение упоминания о нем в определение военных преступлений могло бы помешать принятию кодекса государствами.

146. Другие делегации отдали предпочтение ссылке на "международное гуманитарное право", а не на Женевские конвенции 1949 года. Было предложено сформулировать текст следующим образом: "серьезные нарушения [Женевских конвенций 1949 года и Дополнительного протокола I] [норм, применимых в вооруженном конфликте и изложенных в международных соглашениях] и общепризнанных принципов и норм международного права, которые применимы к вооруженному конфликту".

147. Были высказаны следующие дополнительные замечания, касающиеся пункта 1: замечание о том, что выражение "бесчеловечное обращение", используемое в пункте 1 b), следует сделать более конкретным; и замечание о том, что преступления, о которых говорится в пункте 1 f) и g), не являются достаточно серьезными, чтобы квалифицировать их как военные преступления.

148. Что касается пункта 2, то некоторые делегации одобрили ссылку на нарушения законов и обычаев ведения войны. Было поддержано предложение о включении слова "серьезный" во вступительную фразу пункта 2. Отмечалось, что следует иметь в виду лишь те преступления, которые представляют собой серьезные нарушения норм и обычаев ведения войны. Некоторые делегации высказали пожелание, чтобы пункт 2 содержал исчерпывающий перечень нарушений в целях обеспечения соблюдения принципа *nullum crimen sine lege*.

149. По мнению ряда делегаций, в определение военных преступлений, содержащееся в статье 22, следует дополнительно включить нарушения, которые частично фигурировали в предыдущем варианте этого положения. Изъятие пункта, касающегося применения запрещенных видов вооружений, было сочтено нежелательным, поскольку это подрывает усилия международного сообщества, направленные на запрещение применения оружия массового уничтожения, что привело к подписанию Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении и, как ожидается, приведет к запрещению применения или угрозы применения ядерного оружия.

Было также поддержано предложение о том, чтобы включить в кодекс положение относительно применения токсичных и других видов оружия, вызывающих чрезмерные страдания, в том числе оружия неизбирательного действия.

150. Некоторые делегации сочли необходимым, чтобы в данной статье, как и в предыдущем варианте, размещение поселенцев на оккупированной территории и изменение демографического состава оккупированной территории квалифицировалось как преступление. Эти нарушения, как отмечалось, относятся к числу военных преступлений, заслуживающих наибольшего осуждения. Было высказано мнение о том, что соответствующее положение (пункт 2 b)) этой статьи, в том виде, в каком она была принята в первом чтении, получило достаточно широкую поддержку, и его следует оставить в нынешнем варианте. Было указано, что пункт 4 a) статьи 85 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года справедливо запрещает "перевод оккупирующей державой части своего гражданского населения на оккупированную ею территорию и депортацию или перемещение всего или части населения оккупированной территории в ее пределах" или за пределы данной территории. Таким образом, как утверждалось, соответствующая ссылка в статье 22, в том виде, в каком она была принята в первом чтении, является вполне обоснованной и должна быть надлежащим образом включена в новый текст, несмотря на то что новый вариант статьи 22 уже содержит некоторые формулировки в этом плане.

151. Было высказано мнение о том, что определение военных преступлений, содержащееся в статье 22, должно включать такие нарушения, как длительная осада населенных пунктов и мест, объявленных Советом Безопасности безопасными зонами, создание препятствий для оказания гуманитарной и медицинской помощи, нарушение деятельности коммунальных служб, блокирование дорог, железнодорожных путей и средств связи, угроза безопасности военнослужащих из состава сил Организации Объединенных Наций и ограничение свободы их передвижения. Было отмечено, что все эти акты были осуждены в соответствии с международным правом применительно к бывшей Югославии и должны рассматриваться как преступления в рамках статьи 22. Было также высказано предположение о том, что в кодекс следует включить такие преступления, как изнасилования, принимая во внимание события в Боснии и Герцоговине, где массовое и систематическое изнасилование женщин и девушек явилось частью политики "этнической чистки", направленной против несербского населения; это не было простым стремлением принять меры в целях предупреждения рождаемости в рамках этой группы, а представляло собой явный элемент военной стратегии. Было также предложено включить в категорию военных преступлений насильственные исчезновения, учитывая те страдания, которые были связаны с этим явлением в последние годы.

Статья 23. Вербовка, использование, финансирование и обучение наемников

152. Ряд делегаций согласились с тем, что вербовка, использование, финансирование и обучение наемников должны быть исключены из перечня преступлений, охватываемых проектом кодекса, при этом было выражено мнение, что подобная преступная деятельность

носит сугубо местный характер и ее не следует включать в кодекс. Некоторые из этих делегаций также согласились с тем, что такого рода деятельность по-прежнему можно было бы рассматривать в рамках статьи об агрессии, поскольку эта деятельность предполагает вооруженное вмешательство, или, возможно, в рамках статьи о терроризме.

153. Однако, по мнению других делегаций, в кодекс следует включить деятельность наемников не только потому, что они представляют угрозу миру и стабильности, но также и потому, что некоторые виды преступной деятельности, например терроризм и незаконная торговля наркотиками, людьми и оружием, связаны с вербовкой наемников.

Статья 24. Международный терроризм

154. Некоторые делегации высказались за включение в проект кодекса положения о международном терроризме, при этом одна из них подчеркнула, что такое включение не отразится на способности Совета Безопасности принимать меры в случае возникновения ситуаций, представляющих угрозу для международного мира и безопасности. Они сослались на возросшее число актов международного терроризма, в особенности на гибель ни в чем не повинных людей. Особая озабоченность была выражена в связи с актами терроризма, направленными против городов и селений в небольших развивающихся государствах. Террористические акты были квалифицированы как исключительно серьезные преступления, которые угрожают миру и безопасности человечества. В более конкретном плане было отмечено, что международный терроризм может представлять собой преступление против мира и безопасности человечества в том случае, когда террористические акты носят особенно серьезный и массовый характер. Было также указано, что данное преступление следует включить в кодекс в качестве отдельной категории, учитывая огромное значение, которое придается борьбе с этим растущим опасным явлением.

155. Однако другие делегации полагали, что вопрос о включении международного терроризма должен стать предметом широкого обмена мнениями. Хотя международный терроризм считается достаточно серьезным явлением, чтобы можно было квалифицировать его как преступление против мира и безопасности человечества, было выражено мнение, что будет крайне трудно разработать достаточно подробное общее определение в целях его отражения в уголовном праве. Хотя и был принят к сведению вполне понятный интерес Комиссии к таким чудовищным преступлениям, были высказаны сомнения относительно целесообразности включения их в проект кодекса ввиду отсутствия консенсуса между государствами в отношении определения терроризма. Было высказано предположение, что юридическое определение, лишенное каких-либо политических или концептуальных соображений, облегчило бы включение этого вида преступлений в проект кодекса, однако, как отмечалось, не так просто разработать формулировку терроризма, которая была бы приемлемой для всех, и поэтому, возможно, было бы лучше отказаться от поиска определения и заниматься главным образом четко устанавливаемыми актами терроризма, подлежащими осуждению. Было также отмечено, что, хотя до сих пор не существует приемлемого для всех

определения терроризма, постепенное установление конкретных категорий актов, осужденных всем международным сообществом, является практическим средством борьбы с этим явлением. Было высказано предложение о том, что определение терроризма можно было бы выработать, опираясь на положения международной конвенции по этому вопросу.

156. Некоторые делегации указали, что исключение международного терроризма, который был квалифицирован как преступление, существенно отличающееся от других видов, включенных в кодекс преступлений, никоим образом не повлияет на решимость государств принимать действенные меры для борьбы с этим явлением. По их мнению, в отношении международного терроризма нет необходимых критериев, позволяющих считать его преступлением против мира и безопасности человечества, и, кроме того, ему уделено достаточно внимания в других конвенциях, основанных на принципе *aut dedere aut judicare*. Было отмечено, что в отличие от таких преступлений, как агрессия, геноцид, другие преступления против человечества или военные преступления, которые преследуются согласно международному праву, международный терроризм должен преследоваться в судебном порядке на основе какого-либо действующего документа. Поэтому было предложено, чтобы международное сообщество обратилось к государствам с призывом стать участниками соответствующих конвенций. Было также отмечено, что, поскольку разработан целый ряд международных договоров, предусматривающих альтернативные методы борьбы с актами терроризма на национальном и международном уровнях, нет необходимости включать этот вид преступлений в число подпадающих под юрисдикцию международного уголовного суда. Были с пониманием отмечены мотивы, побудившие Комиссию проявить интерес к такому виду преступлений, как международный терроризм, но вместе с тем была выражена озабоченность по поводу того, что включение такого вида преступлений в кодекс в нынешних условиях было бы нереалистичным.

157. Что касается формулировки статьи 24, в том виде, в каком она была принята в первом чтении, то было предложено: а) опустить слова "как агент или представитель государства", с тем чтобы расширить круг потенциальных преступников; б) снять излишнее ограничение, содержащееся в словах "против другого государства"; в) опустить фразу "вынудить данное государство пойти на уступки или предпринять определенные действия", которая носит излишне ограничительный характер; и d) рассмотреть возможность включения в эту статью защитительной оговорки, содержащейся в пункте 7 статьи 15 (об агрессии), в том виде, в каком она была принята в первом чтении; эта оговорка оставляет за народом право вести борьбу за свое самоопределение и независимость.

158. По мнению некоторых делегаций, новый вариант статьи 24, предложенный Специальным докладчиком, содержит разумное и объективное определение и является хорошей основой для дальнейшего обсуждения. Некоторые делегации с удовлетворением отметили, что рамки первоначального текста были расширены, с тем чтобы охватить террористические акты, совершенные отдельными лицами, в том числе частными лицами, действующими от лица групп или объединений, которые не обязательно связаны с каким-либо

государством. Вместе с тем было выражено мнение, что, поскольку, как свидетельствует опыт, терроризм проявляется в различных формах, худшей из которых является, вероятно, "государственный терроризм", необходимо заново рассмотреть ссылку на "международный терроризм".

159. Что касается пункта 2, содержащегося в новом предложенном тексте, то было рекомендовано заменить слова, заключенные в квадратные скобки, словом "террор".

Статья 25. Незаконный оборот наркотических средств

160. Некоторые делегации считали, что незаконный оборот наркотических средств (который одна из них охарактеризовала как международный оборот между соседними странами, а также между удаленными друг от друга странами, осуществляемый воздушным или морским путем, независимо от того, проходит ли такой оборот через территориальные воды других государств, открытое море или национальное либо международное воздушное пространство) необходимо включить в кодекс, учитывая масштабы данной проблемы; наносимый огромный ущерб и его пагубные последствия, в том числе негативное воздействие на экономику и здоровье людей во всех странах; а также сформировавшуюся и все более изощренную взаимосвязь между незаконным оборотом наркотических средств и международным терроризмом. Было выражено мнение, что нанесенный ущерб, который приводит к распаду семей и политической нестабильности, следует рассматривать на правовом уровне. Отмечалось также, что незаконный оборот наркотиков, если он приобретает массовый характер, является преступлением против человечества и что незаконный оборот наркотических средств является современной формой геноцида, а также преступлением против безопасности человечества. Кроме того, указывалось, что незаконный оборот наркотических средств должен стать предметом международной уголовной юрисдикции, если он осуществляется в крупных масштабах, носит трансграничный характер и создает серьезную угрозу для государственных или региональных институтов. Было высказано предложение о том, что важным условием, позволяющим классифицировать оборот наркотиков как преступление, должен быть постоянный и массовый поток таких наркотических средств. С другой стороны, отмечалось, что нет необходимости предусматривать в статье 25, что оборот наркотиков должен вестись в крупных масштабах или носить трансграничный характер, если соответствующие критерии будут включены в статью 1. Внимание было также обращено на необходимость дополнить решительные меры, принимаемые на национальном уровне для борьбы с незаконным оборотом наркотиков, путем включения этих преступлений в сферу действия кодекса. Было отмечено, что международное сообщество должно иметь в своем распоряжении правовые средства для борьбы с таким оборотом, в соответствии с принципом *aut dedere aut judicare*, и что коллизии, связанные с юрисдикцией, должны быть урегулированы.

161. Другие делегации, считая вполне законным интерес Комиссии к этим чудовищным преступлениям, выразили сомнение относительно целесообразности их включения в проект кодекса. Было высказано предложение о необходимости провести широкий обмен мнениями

по данному вопросу. Обращалось внимание на точку зрения, изложенную в пункте 113 доклада Комиссии, согласно которой, прежде чем принимать решение по вопросу о целесообразности сохранения статьи 25 в проекте кодекса, учитывая существование Конвенции Организации Объединенных Наций 1988 года о незаконном обороте наркотиков, необходимо рассмотреть связь между юрисдикцией национальных правовых систем в соответствии с этой Конвенцией и предлагаемой международной юрисдикцией в соответствии с кодексом. Акцент был также сделан на необходимости тщательного изучения связи этой статьи с соответствующими действующими конвенциями, такими как Конвенция 1988 года; путей оказания на взаимной основе правовой помощи государствам с целью судебного преследования правонарушителей и предотвращения "отмывания денег", а также связи между юрисдикцией национальных правовых систем и предлагаемой международной уголовной юрисдикцией. Была выражена надежда на то, что, поскольку наркотерроризм может сыграть дестабилизирующую роль в некоторых странах, особенно в странах Карибского региона, Комиссия предпримет все возможные усилия, для того чтобы найти удовлетворительное решение этой важной проблемы.

162. Вместе с тем другие делегации заявили, что, по их мнению, незаконный оборот наркотических средств не следует включать в кодекс. В этой связи были также приведены аргументы в пользу исключения из кодекса международного терроризма, о чем кратко говорилось в пункте 156, выше. Кроме того, было обращено внимание на международные документы, которые предусматривают систему действия национальной юрисдикции, подкрепляемой межгосударственным сотрудничеством, а также на принцип взаимодополняемости, содержащийся в проекте статута международного уголовного суда, который предполагает, среди прочего, что в целях эффективной борьбы с такими преступлениями приоритет, как правило, отдается национальной юрисдикции либо, в случае необходимости, международному сотрудничеству между такими юрисдикциями. Отмечалось также, что в отношении незаконного оборота наркотических средств не существует необходимых критериев, позволяющих квалифицировать его как преступление против мира и безопасности человечества, и что этот вопрос и так достаточно хорошо освещен в других конвенциях. Было высказано предложение, предусматривающее, что вопрос о серьезных и пагубных социально-экономических последствиях незаконного оборота наркотических средств можно было бы решать на национальном уровне путем принятия уголовного законодательства и проведения профилактических мероприятий для борьбы с этим явлением и что можно решить конкретные вопросы, связанные с этой проблемой с помощью расширения двустороннего и многостороннего сотрудничества. Указывалось, что решение продолжить консультации по вопросу о включении незаконного оборота наркотиков в кодекс вряд ли приведет к каким-либо результатам, поскольку такие преступления не являются преступлениями против мира и безопасности человечества.

163. Новый упрощенный вариант статьи 25, предложенный Специальным докладчиком, вызвал целый ряд замечаний. Хотя было одобрено включение в пункт 1 слов "в крупных масштабах" и "или в трансграничном контексте", предлагалось указать в комментарии причину изъятия слов "в пределах одного государства". Что касается упоминания об "отдельных лицах"

в том же пункте, то было отмечено, что оборот наркотиков, независимо от того, осуществляется ли он агентами государства, отдельными лицами или организациями, может отрицательно повлиять на международные отношения. Поэтому было предложено, чтобы в тексте, помимо отдельных лиц, четко упоминались агенты государства или его представители. Отмечалось, что пункты 2 и 3 были составлены на основе Конвенции Организации Объединенных Наций о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ 1988 года и что данная статья должна ясно предусматривать наличие намерения совершить данное преступление. Было рекомендовано исключить формулировку "в нарушение внутреннего или международного права", содержащуюся в пункте 2, поскольку основой для установления уголовной ответственности за акты, о которых идет речь в пунктах 2 и 3, является сам кодекс, а не внутреннее или международное право. Было также высказано замечание по поводу того, что если кодекс будет осуществляться с помощью договора, то государства-участники, возможно, возьмут на себя обязательство принять законодательные меры, необходимые для установления уголовной ответственности за различные преступления в соответствии с внутренним законодательством; в подобной ситуации установление уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков в соответствии с внутренним законодательством будет исходить из самого кодекса, а также договора или другого документа, в котором он будет воплощен. Было отмечено, что в связи с фразой "в нарушение внутреннего или международного права" существует опасность того, что данное положение окажется неприменимым, если внутреннее законодательство государства не установит уголовной ответственности за подобный оборот наркотиков и если в международном договорном праве или международном обычном праве не будет предусмотрена такая норма. Поэтому было сочтено целесообразным исключить эту фразу, сделав тем самым кодекс основой для установления уголовной ответственности за акты, о которых идет речь в пункте 2.

Статья 26. Преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде

164. Некоторые делегации поддерживали включение в проект кодекса такого преступления, как преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде, в качестве одного из самостоятельных основных видов преступлений; при этом говорилось о масштабах, серьезном характере и тяжести последствий в плане нанесенного ущерба и потерь, а также современных потребностей международного сообщества. Было выражено мнение, что существуют достаточные основания для включения в кодекс понятия преднамеренного и серьезного ущерба окружающей среде и что, хотя некоторые случаи могут быть наказуемы согласно другим положениям кодекса, специфический характер этого преступления требует отдельного рассмотрения. Было также отмечено, что подобное поведение безусловно имеет все признаки, которые, согласно уголовному праву, полностью подпадают под определение преступления, а именно, попытка деяния, нарушающего закон и приводящего к ущербу, при этом существует причинная связь между действием и результатом. В связи с непрекращающейся борьбой с опустыниванием было также указано, что ущерб, наносимый окружающей среде, имеет все признаки преступлений, которые должны быть предусмотрены в кодексе, например такие признаки, как "серьезный характер", "массовый характер" и "последствия для основ международного

правопорядка". Было обращено внимание на необходимость рассматривать серьезный ущерб окружающей среде как международное преступление в соответствии со статьей 19 части I проекта статей об ответственности государств.

165. Было поддержано предложение о включении такого вида преступлений в проект кодекса и в связи с этим обращалось внимание на Чернобыльскую катастрофу, в результате которой было нарушено самое драгоценное право человека — право на жизнь; на последствия для окружающей среды войны в Хорватии, что явилось предметом обсуждения на конференции в Загребе в 1993 году; и на незаконный сброс токсичных отходов на территории или в водах, находящихся под национальной юрисдикцией некоторых государств, при этом было выражено мнение о том, что нельзя допускать, чтобы такого рода злоупотребления оставались безнаказанными. Было отмечено, что такой вид ущерба в будущем приобретет еще большую актуальность и что он представляет собой не только растущее повсеместно явление, но и создает серьезную угрозу для нынешнего и будущих поколений. Отмечалось также, что вероятность подобного ущерба не является столь отдаленной, чтобы не принимать ее во внимание, и лишь рассматривая нанесение такого ущерба как явное преступление можно исправить организационные недостатки, свойственные международному сообществу в этом отношении, и избежать существующей внутригосударственной практики предъявления взаимных обвинений.

166. Некоторые из упомянутых выше делегаций подчеркивали, что только определенные виды ущерба, наносимого окружающей среде, создают угрозу миру и безопасности человечества и поэтому должны входить в сферу действия кодекса. Комиссии было предложено разработать практические критерии, для того чтобы можно было точно определить, является ли оправданным в том или ином конкретном случае исключительно серьезное обвинение в совершении преступления против мира и безопасности человечества. В этой связи было выражено мнение, что масштаб нанесенного ущерба, приводящий к установлению факта совершения преступления, будет определяться в результате принятия предлагаемого условия об исключительной серьезности и проявлении международной озабоченности. Кроме того, высказывалось мнение о том, что преднамеренный и серьезный ущерб, нанесенный окружающей среде в результате действий, совершенных в условиях вооруженного конфликта или в мирное время, может создавать угрозу миру и безопасности человечества, которая, возможно, не рассматривается или рассматривается недостаточно в других категориях. Было указано, что некоторые формы преднамеренного и серьезного ущерба окружающей среде, например ущерб, нанесенный в результате ядерных взрывов, преднамеренного ядерного загрязнения, отравления жизненно важных международных водотоков, сознательного загрязнения рек, озер или морей, либо сброс химических или радиоактивных веществ на территории или в территориальных водах того или иного государства, могут представлять собой преступления против мира и безопасности человечества. Была выражена обеспокоенность в связи с тем, что ядерные державы могут оказаться не в состоянии обеспечить извлечение и уничтожение ядерных устройств и что непродуманная ликвидация огромного количества ядерных материалов и устройств может вызвать экологическое бедствие

ужасающих масштабов. Вместе с тем была также выражена надежда на то, что к моменту вступления кодекса в силу, возможно, будет разработан договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который облегчит принятие статьи по данному вопросу.

167. Некоторые делегации считали, что Комиссия должна продолжить рассмотрение вопроса о возможности включения в сферу действия кодекса такого преступления, как преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде; они одобрили решение создать рабочую группу для изучения этого вопроса и подготовки приемлемого текста.

168. Другие делегации выразили сомнение относительно целесообразности включения в кодекс понятия "экологические преступления". Было высказано мнение, что преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде мог бы подлежать наказанию в соответствии с другими международными правовыми документами или на основе других статей проекта кодекса, и в результате отпала бы необходимость выделять его в отдельную категорию. Было также предложено оставить в компетенции национального законодательства, отражающего международные нормы, установление ответственности отдельных лиц за нанесение ущерба окружающей среде.
